

Виктор Петелин

МОЙ XX ВЕК

*счастье быть
самим собой*

Виктор Васильевич Петелин

Мой XX век: счастье быть самим собой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3023385

Виктор Петелин. Мой XX век: счастье быть самим собой.

Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4505-5

Аннотация

«Мой XX век: счастье быть самим собой» – книга уникальная как по содержанию, так и в жанровом отношении; охватывающая события с декабря 1956 года по нынешнее время. В декабре 1956 года Виктор Петелин выступил с докладом «О художественном методе», в котором заявил, что тормозом развития русской литературы является метод социалистического реализма, написал яркую статью «Два Григория Мелехова», в которой, как уверяли в своей книге Ф.А. Абрамов и В.В. Гура, «нарисован совершенно положительный характер Григория», с большим трудом издал книгу «Гуманизм Шолохова», в статьях о М.А. Булгакове, которые проходили с огромными осложнениями, показал русское национальное лицо выдающегося художника еще в конце 60-х годов, издал серию статей о русском национальном характере «Россия – любовь моя»... Автор рассказывает о своем везении: в издательство «Советский писатель» один за другим

приходили молодые Василий Белов, Евгений Носов, Виктор Астафьев, которые несли в литературу свой неповторимый опыт; с большим трудом автору приходилось «пробивать» их книги, ставшие классикой нашей литературы. Автор рассказывает о событиях и людях, используя подлинные документы, широко привлекая письма Виктора Астафьева, Василия Белова, Евгения Носова, Константина Воробьева, Григория Коновалова, Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Владимира Карпенко, Сергея Малашкина и других выдающихся писателей XX века, с которыми свела его счастливая Судьба. На страницах книги возникают образы современников эпохи, с их болями и страстями, с их творческими достижениями и неудачами, когда писатель, случалось, изменял сам себе... Какое счастье быть самим собой! Книгу с интересом воспримут и специалисты-филологи, и широкие круги читателей, интересующихся историей русской словесности, историей редакций, судьбами писателей, преданных России и испытавших все тревобления, чинимые высшим партийным руководством, редакторами и цензурой.

Содержание

Часть первая	6
1. Быть или не быть...	6
2. Доклад «О художественном методе» в Коммунистической аудитории	25
3. Встречи и разговоры с М.А. Шолоховым	62
4. Безнадежные будни	80
5. Два Григория Мелехова	92
Часть вторая	126
1. Полемика продолжается...	126
2. Непобедимые	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Виктор Петелин

Мой XX век:

счастье быть самим собой

Жизнеописание в

воспоминаниях о

противоборстве

официальной идеологии

Документы.

Письма. Статьи.

Размышления Москва

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Часть первая

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

*Быть или не быть – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?*
Шекспир. Гамлет

1. БЫТЬ или не БЫТЬ...

26 сентября 1990 года... День как день... Звонки по телефону... Но главное – размышлял о том, нужно ли писать вторую книгу о Шаляпине... Первая – «Восхождение» – была опубликована только в прошлом году, в немалом объеме, мне казалось, что удалось сказать то, что хотелось... Но посыпались письма, которые бережно собирали издатели и передавали их мне: читатели требовали продолжения. Ведь книга заканчивалась 1902 годом: триумфальное шествие по оперным сценам мира только начиналось, столько ему еще предстояло сделать, столько драматического, трагического пережить, столько создать величайших художественных открытий... Читатели, конечно, правы, но как вспомнишь, как

тяжко давалась первая книжка, так сразу же возникал вопрос: а нужно ли... Не лучше ли снова окунуться в ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК и написать «Братья Румянцевы», о трех сыновьях фельдмаршала Румянцева, один из которых – Николай – стал основателем Румянцевской библиотеки, а перед этим занимал высокие государственные посты при Александре Первом, и таким образом показать конец XVIII века, краткое царствование Павла, отношения с Наполеоном и пр. и пр.

А пока перебирал накопившуюся прессу, просматривал недавние газеты, журналы... Многое раздражало, особенно те материалы, в которых авторы с безоглядной остервенелостью пытались доказать, что прожитые семьдесят лет после Октябрьской революции – сплошной мрак, а советские люди – рабы, а самые оголтелые бросились доказывать, что и вообще Россия – тысячелетняя раба, русский человек – с рабьей кровью. Один из таких – Виктор Ерофеев – написал статью «Поминки по советской литературе», опубликованную в «Литературной газете», с которой, как оказалось, началась острая дискуссия...

Читаю газеты, журналы, просматриваю книги, сборники, публицистические статьи, смотрю иной раз и телевизионное литературное шоу... И чаще всего узнаю от совсем молодых литераторов, как нам плохо жилось в пору Хрущева или Брежнева, нам, нынешним шестидесятилетним, учившимся в эпоху Сталина и начинавшим свой литературный путь в

эти самые хрущевско-брежневские времена. На российском съезде писателей Константин Ковалев, славный и талантливый паренек, прямо заявил, что он опасается возрождения командно-административного стиля руководства литературой и литераторами: «Не в этом ли одна из важных причин падения престижа писательского труда и роли литератора, а следовательно, и Союза писателей в сознании людей? Ведь диктовали, как жить и что писать, всегда – все эти семь десятилетий. Но сегодня, кажется, как никогда, врос в кожу творческого человека казенно-аппаратный призрак, уничтожающий саму суть творчества изнутри.

И разве Союз писателей России не страдает этим же недугом?..»

Вроде бы такие разные, и внешне и внутренне, Константин Ковалев и Виктор Ерофеев, а похоронили нашу русскую литературу за все семьдесят лет по первому, так сказать, разряду: ну разве может быть литература настоящей, подлинной, если писатель оказывался в положении, когда ему все семьдесят лет «диктовали, как жить и что писать». Действительно, если это так, то падение престижа писательского труда вполне объяснимо.

Из других источников, из других признаний неожиданно для себя узнаешь, что все мы испытывали страх, стояли на коленях и вообще были рабами режима, командно-административной системы, времени. Признается в своем страхе шахтер, писатель, скульптор, академик. Страх не помешал

им получить свои звания, всевозможные премии, быть, как говорится, на коне, а сейчас, разоблачая все то же время, уже бесстрашно снова пытаются взгромоздиться все на того же коня удачи. Если б кто знал, как надоели эти стенания, раздающиеся из уст вполне благополучно проживших и переживших это время людей, пытающихся оправдать то, чем они занимались всю свою жизнь, и наконец-то получивших возможность сказать «настоящую» правду. Ждешь, ждешь, допустим, от писателя эту самую правду, а получаешь все ту же жиденькую вещицу.

Приведу лишь несколько примеров... Вот «Советский спорт» (1990. 22 сентября) публикует признание народного депутата Украины В. Тризны, что рабочие, прежде всего шахтеры, объявившие летом прошлого года забастовку, наконец проснулись, «одолели страх», «страх, который за семьдесят лет тоталитарного режима въелся в каждую клетку». «Теперь-то ясно всем, что времена действительно изменились. Теперь можно подняться с колен», – гордо заявляет народный депутат. Вот, оказывается, какие храбрецы: теперь, когда ясно, что «не посадят», «не вышлют», можно подняться с колен. А в «Правде» (1990. 24 сентября) В. Прохоров и Н. Сенчев, рассказывая о своем пребывании в «знаменитом Дебревлаге», где отбывали незаслуженное наказание Синявский, Даниэль и Ратушинская, сделали такой вывод о том времени: «И как же хорошо, что ушло то время, когда право на свои убеждения, иные, чем у других, можно было обрести

только ценой свободы».

И действительно получается, что кто не сидел и не уехал за границу – все или рабы, или приспособленцы. Конечно, это далеко не так.

Русский дирижер Евгений Светланов, давая интервью «Правде», как раз обратил внимание на то, что сейчас сильно преувеличивают значение тех, кто по тем или иным причинам покинул Отечество. Гораздо плодотворнее творчество тех, кто остался на Родине и делал все для того, чтобы освободить свое творчество от тех пут, которые крепко порой сдерживали его. И те, кто остался, даже не думая об отъезде, создавали замечательные произведения во всех видах и направлениях нашего родного русского Искусства. Можно было бы назвать десятки имен, творчество которых составило наш золотой фонд, и среди писателей, и среди композиторов, и среди актеров, и среди художников... У них не было страха, не стояли они на коленях; они писали то, что думали, а если на пути их произведений возникали препятствия, то они сражались за их целостность и полноту.

Да, «диктовали, как жить и что писать», но деятели культуры и искусства вели себя по-разному: одни валились на колени и били поклоны; другие поступали самостоятельно, творчески, как подсказывала им совесть и талант.

А вот в «Комсомольской правде», комментируя недавно прошедший российский съезд писателей, зашли с другой стороны и ударили все по тем же писателям старшего по-

колениа, но мысль-то, в сущности, та же самая: «Еще одна идея – идея чисто русская – возникла то явно, то попутно на съезде. Идея служения. Нашим писателям, кажется, всегда было необходимо кому-то служить – царю, Отечеству, народу. Без идеи своей необходимости словно бы и дело не клеилось. Подневольность одному белому листу? Нет, нет, это не для наших. За нашими – всегда миссия, всегда направление. И к сожалению, не всегда акт высокого служения, чаще просто служение кому-то и чему-то» (Комсомольская правда. 1990. 22 декабря). И снова возникает недобрая мысль: русский советский писатель пляшет под чужую дудку...

Эти размышления прервал очередной телефонный звонок, показавшийся мне тревожным... Почему? Не знаю...

– Витя? – звонил Артем Анфиногенов. – Ты читал сегодня «Литературную газету»?..

«Да, предчувствие меня не обмануло», – ошалело подумал я, мгновенно вспоминая все выпады против меня и моих единомышленников в этой самой «Литературке»...

– Ты что замолчал? Не отвечаешь... Ты выписываешь «Литературную газету»?

– Нет! – с явным раздражением ответил я. – Не выписываю и читать не буду...

– Чудак! Беги купи! Ты с сегодняшнего дня – знаменитость. О тебе целая полоса в газете... Да, предупреждаю: не ругают, а хвалят... Какой ты смелый и замечательный...

– Не может этого быть...

– Беги, беги, купи эту газетку...

С Артемом Анфиногеновым я был знаком давно, учились на одном курсе филологического факультета МГУ. Он несколько старше меня, фронтовик, летчик, не раз горел в самолете, чудом выжил, после окончания учебы в университете работал в газетах, журналах, на киностудии, писал очерки, статьи, повести, романы. Сочинений я его почти не читал, конечно, кое-что просматривал, но всегда относился к нему с большой симпатией. Особенно после того, как он однажды преподнес мне наглядный урок тенниса.

Я в то время, давным-давно это было, только начинал осваивать азы тенниса, много времени проводил на корте. Сумбурно, суматошно бегал по корту, иной раз удачно попадая ракеткой по мячу, но чаще этот неуловимый мяч летел то в аут, то в сетку. Как-то за такой игрой долго и молча наблюдал Артем, потом не выдержал, вышел на поле, взял у меня ракетку.

– Витя! Есть несколько элементарных положений игрока на корте. Как ты стоишь, когда мяч летит от партнера? Ты стоишь пузом, грубо говоря, к сетке, мяч летит на тебя, и ты судорожно бьешь его, лишь бы попасть по мячу, отбить его. А надо принимать его, развернувшись боком к нему. Если видишь, что мяч летит налево, ты поворачиваешься налево всем корпусом, левая нога чуть сзади, правая впереди, и замах ракеткой за левое плечо, мяч ударяется о поле, а ты его встречаешь своим мощным ударом, направляя этот удар ту-

да, где нет твоего партнера. Смотри...

Артем показывает мне правильный удар слева, потом справа, пластично, красиво передвигаясь по корту.

– И главное – смотри на мяч, не упуская его ни на мгновение, следи за движением ног, полусогнутых ног, чтобы в любой момент ты мог распрямить их во время ударов... И замах ракеткой... В момент удара твоего партнера на той стороне корта ты уже должен угадать направление удара, мгновенно оценить обстановку и правильно встретить этот мяч...

И не раз еще Артем Анфиногенов, подмечая недостатки в моей игре, даст мне добрые советы. А рядом со мной наблюдает мой постоянный партнер Олег Михайлов, вовлекший меня в эту увлекательнейшую игру. И вот его звонок...

Конечно, я тут же собрался и побежал за газетой... Нетерпеливо разворачиваю, пробегаю глазами по страницам. Обратил внимание на статью Дмитрия Урнова, главного редактора журнала «Вопросы литературы», но первые же строчки ее навеяли на меня скуку: опять «поминки по советской литературе», очередная статья, подумалось, в угоду времени, новым веяниям, перечеркивающим все достижения своих предшественников. А где же про меня-то? Листаю страницы уже лихорадочно, ничего не увидел... И только дома начал тщательно изучать страницу за страницей... И снова с неохотой начинаю читать статью Дмитрия Урнова «Кто создает иллюзии?» в рубрике «Поминки по советской литературе».

Все, что писал Д. Урнов, казалось мне упрощенным и примитивным. Уже само начало: «К понятию «советская литература» подход у нас преобладал паспортный: проживает писатель на территории СССР, стало быть, он должен быть советским. Если он к тому же член Союза писателей, то, согласно уставу, еще и социалистический реалист. Ввести разграничения литературные, исторические, социологические оказывалось невозможным: в Советском Союзе все советское».

Прочитал начало этой писанины и возмутился: во всех своих статьях и книгах, о которых еще речь впереди, я писал о *русских* писателях, о *русском* национальном характере, воплощенном в образах, созданных мастерами русского слова. Но я только ученик и последователь великих русских мастеров: о национальной самобытности литературы и искусства как неперемennom условии его долговечности в 1966 году ярко выступили Леонид Леонов, Дмитрий Корин и Сергей Коненков в журнале «Молодая гвардия». А журнал «Молодая гвардия» вообще за последние годы 60-х годов? Нет, упрощенно представил литературную борьбу тех лет мой приятель и коллега Дмитрий Урнов. Но вдруг в его статье мелькнула моя фамилия... Тут я – весь внимание... Читаю:

«...Суровое, но истинно историческое счастье, выпавшее на долю моего поколения, – быть хотя бы юными свидетелями Великой Отечественной войны позволило нам узнать, что **единый порыв, всенародный энтузиазм, беззаветный героизм, полная готовность, короче, патриотиче-**

ский подъем и общенациональное единство все это не пропагандистские выдумки.

Вот мы скрупулезно выясняем, где кончается Средневековье и начинается Новое время... Так неужели наутро после Октябрьского восстания писатель, легший спать старорежимным, проснулся советским? Скажем, Михаил Пришвин – тоже социалистический реалист?

Вопросы очевидные и – долго не подлежавшие обсуждению. Их не хотели обсуждать, в том числе и те, кто теперь утверждает, что того же Пришвина или Михаила Булгакова, разумеется, смешно считать советскими писателями. На моей памяти первым о границах советской литературы во всеуслышание заговорил Виктор... Нет, не Ерофеев, а другой, Виктор Петелин. Было это тридцать четыре года назад и являлось в свою очередь следствием глубоких перемен в нашем обществе.

Год тысяча девятьсот пятьдесят шестой. Как сейчас помню бас своего сокурсника Валентина Недзвецкого, провозглашающего с трибуны Коммунистической (Богословской) аудитории в старом здании МГУ: «Пора спросить у нашего правительства...» В число неотложных задач, которые мы тогда собирались либо поставить перед руководством, либо решить собственными силами, был занесен и вопрос о литературе. «А подать сюда...» И было поручено аспиранту филологического факультета Петелину осветить этот вопрос. Докладчика выбирал деканат, старательно выбирал,

стремясь найти оратора, способного отстоять наши позиции.

Что с той трибуны услышали от Виктора Петелина, не шло ни в какое сравнение с этюдом на ту же тему, опубликованным лишь три года спустя, и то за границей. Я имею в виду эссе о социалистическом реализме, вышедшее в 1959 г. в Париже под именем Абрама Терца и принадлежавшее А.Д. Синявскому. Вот это эссе, ныне широко известное, рядом с петелинским выступлением следовало бы считать апологией названного метода.

Следовало бы... однако... Спрашивается, почему А.Д. Синявского (Абрама Терца) как подхватили сразу, так по сию пору и носят на руках, а слово истинного смельчака критика, в самом деле первого и поистине во весь голос сказавшего, что такое социалистический реализм, забыто?

Да потому же, почему похоронную речь по советской литературе произносит анфан терибль (баловень) советского режима, произносит в порядке дерзкого откровения, между тем даже в редакционном врезе не упомянуты те, кто по меньшей мере пятнадцать лет тому говорил (понятно, без эпатажа) о тех же проблемах».

В спор с Д. Урновым пока не вступаю, есть в статье вместе с интересными, свежими мыслями и торопливые, непродуманные. Сразу обращаю внимание на статью Я. Гордина, помещенную тут же, во второй половине газетной полосы. Статья интересная, остро полемически направленная против главного редактора теоретического журнала «Вопросы лите-

ратуры» Д. Урнова, который «столь безоговорочно доверяет устной традиции, что забывает о таком понятии, как критика источника»: «..Установка Д. Урнова на устную традицию приводит к серьезным недоразумениям. Вот он объясняет, что первым и самым радикальным борцом против соцреализма был Виктор Петелин, выступивший в 1956 году с докладом на эту тему. А «эссе, ныне широко известное, рядом с петелинским выступлением следовало бы считать апологией названного метода. Следовало бы... однако... Спрашивается, почему А.Д. Синявского (Абрама Терца) как подхватили сразу, так по сию пору и носят на руках, а слово истинного смельчака критика, в самом деле первого и поистине во весь голос сказавшего, что такое социалистический реализм, забыто?»

Ну если главному редактору теоретического журнала это непонятно, попробую, как могу, объяснить. Дело в том, что Синявский (Абрам Терц) опубликовал свою точку зрения, а Петелин этого не сделал. Поэтому мнение Синявского стало фактом литературного и общественного процесса, а устное выступление Петелина осталось фактом внутренней жизни филологического факультета МГУ. И опираться в оценках на воспоминания Д. Урнова – тридцатипятилетней давности! – я бы лично не рискнул. И еще один штришок: робкого Синявского за его точку зрения «как подхватили сразу», так и понесли в мордовский лагерь, а смельчак критик Петелин невозбранно продолжал свою плодотворную литературную

деятельность и основ больше не потрясал. Я заговорил обо всем этом только потому, что оба критика, вряд ли того желая, пафосом и методом существенно подкрепили позицию инициатора дискуссии...»

Прочитал эти две статьи, и память унесла меня в те далекие и такие близкие годы...

Прошу простить меня за столь длинную цитату, притом что то мое выступление Д. Урнов представляет в столь радужном свете, что и неловко его цитировать. Так, во всяком случае, может показаться читателю, не знающему, естественно, всех обстоятельств, которые сопутствовали этому выступлению.

Прежде всего меня поразило, что, оказывается, выбирал меня в качестве докладчика деканат; оказывается, меня выбрали студенты четвертого курса в качестве докладчика просто потому, что я могу высказать то, что думали студенты четвертого курса (они, дескать, стремились «найти оратора, способного отстаивать наши позиции»). Но деканат меня не «отбирал», о позиции студентов четвертого курса («наши позиции») не имел никакого представления.

Ничуть не сомневаюсь, что все это Д. Урнов, умный, талантливый ученый и писатель, обаятельный человек, писал от чистого сердца, надеясь отметить этот эпизод и «похвалить» давнего оратора, выступившего в Коммунистической (в прошлом – Богословской, ныне – Академической) аудитории. Но память, память, как ты порой подводишь нас, да, в

сущности, и всех, кто берется что-то давнее вспоминать. Так и в этом случае... И мне горько и обидно читать эту статью. Ну хорошо, хоть вспомнил...

А на самом деле все было просто... Прошел XX съезд КПСС, нам прочитали закрытый доклад Хрущева, ошеломивший нас. Закипели бурные дискуссии, особенно страстными споры были в Ленинской (Румянцевской) библиотеке. Я только что закончил диссертацию, сдал на перепечатку, вроде бы освободился от давившего меня груза и полностью окунулся в омут этих споров, которые втягивали, и втягивали, и не было этому конца...

Память прихотлива, почти всегда отбирая из прошлого только то, что выгодно сегодня. Эти отнюдь не новые мысли приходят мне при чтении статьи Д. Урнова. Конечно, повторяю, любой на моем месте был бы благодарен столь авторитетному в литературных кругах ученому, что вспомнил мое нашумевшее в то время выступление.

Действительно, в начале декабря (память, память, как ты прихотлива!) 1956 года я «сокрушал» литературу социалистического реализма, нанося, как мне тогда казалось, жесточайшие удары по самой теории и методу социалистического реализма, приводил цитаты из книг Л.И. Тимофеева, непрекаемого в то время авторитета в этой области и вообще теории литературы, из докладов Жданова 1934 и 1946 годов, из учебников, монографий. Все многочисленные историки литературы и ее теоретики, а за восемь лет учебы на фа-

культете я прочитал великое множество их книг, чаще всего цитировали одно из основных положений Устава советских писателей: «Социалистический реализм, являясь основным методом художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переработки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Конечно, в уставе говорилось и о том, что советские писатели должны руководствоваться коммунистическим мировоззрением, держать «тесную и непосредственную связь... с актуальными вопросами политики партии и советской власти», включиться «в активное социалистическое строительство» и пр. и пр.

Ну, это ладно, не так уж меня и трогало то время, а вот тезис, что советские писатели при создании образов должны отбирать «лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день», меня глубоко озадачил.

Все ученые, критики чуть ли не в один голос утверждали, что у метода социалистического реализма есть великие преимущества перед методом критического реализма, «мы должны показать нашего человека в то же время правдиво и показать таким, каким он должен быть, осветить его зав-

трашний день» (А. Фадеев): «Это не только не умаляет силы реализма, а это и есть подлинный реализм. Жизнь надо брать в ее революционном развитии. Приведу пример из области природы. Яблоко, выращенное в саду, особенно в таком саду, как сад Мичурина, – это яблоко такое, «как оно есть», и одновременно такое, «каким оно должно быть». Это яблоко больше выражает сущность яблока, чем дикий лесной плод. Так и социалистический реализм» (Фадеев А. Задачи литературной теории и критики // В сб.: Проблемы социалистического реализма. М., 1948. С. 12). И это все объявлялось преимуществами социалистического реализма перед другими творческими методами, новым его качеством.

Или вот еще одно высказывание А. Фадеева: «Старому русскому реализму тоже присущи были свои слабости. Главная слабость или, вернее, главная беда его состояла в том, что и он не мог изобразить того положительного героя, который в реальной исторической действительности являлся ее завтрашним днем.

Какие счастливицы мы, художники советского, социалистического общества, когда в нашей действительности реально существует новый, советский человек, носитель самой передовой, всечеловеческой морали! Впервые из-под пера художника возник герой литературы, который является подлинным героем жизни, творцом и созидателем коммунистического общества.

Именно благодаря этому обстоятельству наш социалисти-

ческий реализм представляет собой полный органический синтез реализма с революционной романтикой. Это совершенно новый реализм. Он открывает новую главу в художественном развитии человечества» (Там же. С. 33).

Мы учились в то время по учебникам Л.И. Тимофеева, непрекаемого авторитета в области теории литературы. На третьем курсе я написал курсовую работу на тему: «Изображение жизни в революционном развитии как основополагающий принцип социалистического реализма», научный руководитель профессор А.Н. Соколов на обсуждении доклада высказал свои замечания, высоко оценив добросовестность докладчика. На четвертом курсе я написал работу на тему: «Дело Артамоновых» А.М. Горького как произведение социалистического реализма» (семинар Е.И. Ковальчик). Так что проблемы социалистического реализма мне были знакомы не понаслышке. Не помню, какую чепуху я написал на третьем курсе, работа не сохранилась, но на четвертом курсе мне с трудом удавалось свести, как говорится, концы с концами: «Дело Артамоновых» никак не укладывалось в прокрустово ложе социалистического реализма, как я ни старался. И вот этот процесс «укладывания» мне не понравился в творческой работе, породив в душе сомнения и противоречия...

Эти сомнения, противоречия, наблюдения, мысли и чувства, связанные с профессией и общественной жизнью, какою я жил, широким полководьем хлынули после XX съез-

да. Я выступал в курилке Ленинской библиотеки, на вернисажах, в аудиториях факультета, во Дворце культуры на Ленинских горах... С горячим пылом молодости я говорил то, что думал, а мои более опытные в житейских делах друзья и товарищи приходили в ужас, оглядываясь по сторонам.

Одно из таких горячих выступлений услышал Боря Бугров, председатель НСО (научно-студенческое общество) четвертого курса филологического факультета МГУ, слушал внимательно, даже чуть-чуть склонив голову в сторону от, казалось, удовольствия и согласия (только потом я узнал, что это свойство его физического сложения). Да и потом мы не раз встречались, слушая спецкурс Сергея Михайловича Бонди, обменивались мнениями о только что услышанном: Бонди не отрицал социалистического реализма, но говорил об этом скупно, бегло, больше уделяя внимание жизни и творчеству Пушкина, Блока, Льва Толстого...

Борис Бугров и предложил мне сделать доклад «О художественном методе» на заседании НСО четвертого курса нашего факультета. Два месяца – октябрь и ноябрь 1956 года – я готовился к докладу, написал, подобрал цитаты... Встречаясь с друзьями, товарищами, коллегами по аспирантуре, я по своему темпераменту и душевной неиспорченности щедро делился своими мыслями и соображениями. Почти все соглашались со мной, поддерживали основной тезис: социалистический реализм как разновидность художественного метода вреден, принес литературе, искусству вообще, непо-

правимый ущерб. Вспоминаю, как однажды, случайно в метро, кажется на станции «Маяковская», столкнулся с Петром Палиевским, и мы долго рассуждали о современном состоянии литературы, дружно осуждая принципы социалистического реализма. Это поддерживало и окрыляло: значит, я на правильном пути, нужно только убедительно и толково изложить то, что вошло в душу моего поколения.

Все было проще, как всегда, и сложнее, чем это представил в своей статье Дмитрий Урнов: я никогда не был игрушкой в чьих-то руках, не признаю и не терплю «кукловодов», а ведь именно эту нелепость высказал почтенный мой коллега в своих воспоминаниях: «мы подобрали», «деканат показал», «он озвучил то, что мы думали» и пр. и пр.

2. Доклад «О художественном методе» в Коммунистической аудитории

О моем намерении выступить с докладом «О художественном методе» узнал мой научный руководитель профессор А.И. Метченко и пригласил к себе на кафедру. Естественно, я забеспокоился, чувство самосохранения забило тревогу: на пути загорелся красный свет. Но избежать встречи было невозможно – у научного руководителя лежала только что перепечатанная (750 с.) кандидатская диссертация на тему «Человек и народ в романах М.А. Шолохова» (в 1965 году она вышла в свет под названием «Гуманизм Шолохова» в издательстве «Советский писатель»), от которой зависела вся моя судьба; во всяком случае, так мне казалось в то время.

Хмуро встретил меня Алексей Иванович. Стал расспрашивать о докладе. Сначала я пытался увильнуть от прямого разговора, но мой профессор был человеком опытным, знал и мой характер. Он сумел зажечь меня, и я все выплеснул перед ним, все, что накопилось в душе за эти месяцы после XX съезда. Внимательно слушал он мою горячую речь. Да, как оказалось, не только он: в связи с ремонтом наша беседа проходила в библиотеке, недалеко от нас сидел, а потом

стал нетерпеливо прохаживаться высокий человек в мундире с орденскими планками (годы спустя я познакомился с ним – это был Павел Павловский, писавший у Алексея Ивановича то ли курсовую, то ли дипломную).

– Не надо тебе выступать, откажись от доклада, – прервал Алексей Иванович мои излияния. – Ты испортишь себе жизнь...

– Ну почему? Ведь то, что я думаю и скажу, кому-то надо сказать... Многие со мной согласны...

– Вот этот «кто-то» пусть и скажет, а у тебя – готовая диссертация, и надо думать о защите, а этот доклад может испортить тебе всю жизнь, – раздраженно повторил он, явно не ожидавший столь упорного сопротивления. – Я дочитываю ее, работа интересная, спорная, остро полемическая, в своей статье «Историзм и догма», она выйдет в двенадцатом номере «Нового мира», я ссылаюсь на твою рукопись – случай небывалый (действительно, вскоре вышел «Новый мир» № 12 за 1956 год, и в статье А.И. Метченко есть слова «прав молодой исследователь В. Петелин...» и т. д. Любопытные могут в этом убедиться), у тебя все впереди, на кафедре есть место, пока полставки, а там посмотрим...

«Как мудр и доброжелателен был мой научный руководитель, и как искренне хотел он мне добра», – часто думаю я сейчас, пройдя через многие превратности своей судьбы, так и не остудившие мой темперамент. «Но он был мудр той мудростью, которую сформировало в нем его Время, я же

был переполнен идеями своего Времени», – возражаю тут же самому себе.

– Как же я откажусь, ведь я дал слово выступить, уже написал то, что я думаю сказать...

– Эх, Виктор, ты не можешь себе представить последствия такого, как я чувствую, бесшабашного выступления. Ну кто ты сейчас? 15 октября у тебя закончился срок пребывания в аспирантуре. Ты уже не аспирант, но еще и не преподаватель... так, ни то ни се... А лезешь на рожон.

– Ну почему на рожон? XX съезд осудил культ личности и провозгласил свободу мнений... тем более я дал слово и работал над докладом почти два месяца... Что обо мне подумают? Скажут: струсил...

– Какое еще слово? И кто тебе сказал, что так будет всегда? Свобода мнений! О свободе творчества еще скажи! Ну вот что: или ты отказываешься от доклада, или я отказываюсь думать о твоём будущем. И почему ты дорожишь мнением студентов, а не мнением твоего научного руководителя, который желает тебе только добра.

Недовольные друг другом, мы расстались: Алексей Иванович не подал мне руки, как это было всегда после наших разговоров. «М-да, – подумал я, – начинается...»

После нашего разговора на факультете началось легкое волнение. Вечером того же дня на заседании партбюро, отвечая на вопрос секретаря, А.И. Метченко доложил о результатах нашего разговора, после этого было решено обсудить

тезисы моего доклада.

Рано утром на Измайловское шоссе, где я проживал в то время, прибежал Боря Бугров и огорошил меня: часа через три-четыре нужны тезисы доклада, необходимые для обсуждения на партбюро, и нужно написать их так «обтекаемо», чтобы партбюро не запретило конференцию вообще. Ах, Боря, Боря, как мы были наивны в ту пору. Я действительно попытался написать «обтекаемые» тезисы (они-то и сохранились у меня), надеясь перехитрить матерых докторов и кандидатов наук, заседавших в партбюро. Какя ни старался, но главные-то мысли, ниспровергающие теорию социалистического реализма и литературу, сотканную по ее рецептам, с пьедестала Времени, конечно, остались. Да и пафос – как его закамуфлируешь?..

Случайно тезисы сохранились. Предлагаю их как «документ» времени, наивные, но искренние раздумья молодого человека той сложной, драматической эпохи.

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЕТОДЕ

Тезисы доклада, прочитанного в декабре 1956 г.

1. Вопрос о методе художественной литературы чрезвычайно сложен и удивительно запутан. Понятие «метод» в литературоведении имеет различные толкования, каждое из которых по-своему истолковывает этот термин. Даже на этом факте совершенно очевидно, насколько эстетическая мысль у нас отстала. Сейчас наступила эпоха нового умственного

подъема. И если кто-нибудь посягает на укоренившиеся у нас эстетические каноны, нельзя сковывать развитие их мысли, если кому-нибудь приходит в голову мысль заглянуть в область эстетики, то нужно дать их мыслям свободно развиваться. В этом первое и основное условие действительно научной постановки самых сложных и запутанных вопросов литературной теории.

2. Второе условие успешного разговора в любой науке – это независимость ее от других наук.

Эстетика, если она желает стать самостоятельной научной дисциплиной, должна с первого же шага определить свое назначение, свою цель, свой предмет для того, чтобы избежать малейшего дублирования, малейшего подражания какой бы то ни было другой науке.

Каждая наука должна оперировать терминами, характерными только для данной науки. Этого нельзя сказать о литературоведении.

Многие понятия наша наука заимствует из философии. Необходимо покончить с этим и начать разработку теоретических вопросов самостоятельно, каждый раз учитывая специфику художественного творчества. Особенно остро поставлена сейчас проблема метода художественной литературы. Обходить этот чрезвычайно важный вопрос было бы преступлением со стороны теоретиков искусства.

3. Многие теоретики литературы, а вслед за ними и историки литературы, употребляя термин «метод», вкладывают

в него то же самое содержание, что и в термин «мировоззрение».

Особенно отчетливо смешение этих понятий сказалось в теоретических выступлениях проф. Л.И. Тимофеева. Профессор Л.И. Тимофеев считает, что метод – это определенный тип отношений писателя к окружающей его действительности.

Отношение писателя к действительности может быть двояким: отрицающим ее или утверждающим. В соответствии с этим возникло два метода: критический реализм и социалистический реализм. Л.И. Тимофеев говорил, что «понятие метода есть прежде всего понятие необходимости, закономерности развития литературного процесса», «метод – это тот тип решения центральных проблем... который всегда возникает в определенный исторический период и всегда насыщается новым конкретным содержанием» (стенограмма его выступления на межвузовском совещании, с. 24 – 25).

Такое понимание метода лишает его специфики, следовательно, не может удовлетворять требованиям литературной науки. Формулировка Тимофеева настолько широка, что в нее входит все, что становится в отношении с действительностью. Понятие «метод» перестает быть чисто художественным, приобретая очень широкую многозначность.

Каждый же термин должен выражать только то, что он выражает, и ничего больше. В понимании термина «метод» мы должны стремиться к большей определенности и точности.

4. Понятие «метод» необходимо отличать от понятия «мировоззрение». Если мы сумеем это сделать, то сможем ликвидировать многочисленные разногласия среди ученых-литературоведов.

Бесспорно, что мировоззрение оказывает огромное влияние на творчество писателя. Решающее значение мировоззрения писателя сказывается на выборе сюжетов, героев, событий, ситуаций. Писатель-материалист видит дальше, понимает явления действительности глубже и разностороннее. Изучение творчества великого нашего современника М.А. Шолохова убеждает нас в решающем значении марксистско-ленинского мировоззрения в его творчестве. Марксистско-ленинское мировоззрение оказало решающее влияние на выбор тех узловых периодов в жизни русского народа, которые легли в основу сюжетов его романов. Глубоко понимая сущность происходящих событий, Шолохов всегда может отличить главное от второстепенного, типическое от случайного.

О роли мировоззрения в творческой деятельности говорит случай, рассказанный Шолоховым в одном из своих докладов перед рабочими. Кинорежиссер Эйзенштейн, недостаточно глубоко понимая смысл событий, происходивших в 1928 – 1929 годах, взялся снимать картину под названием «Генеральная линия», приняв за генеральную линию создание карликовых кооперативных хозяйств.

«На определенном этапе, – говорил Шолохов, – это бы-

ла «генеральная линия», но когда Эйзенштейн доснимал до 1930-го, то в 1930 году произошла сплошная коллективизация и из картины Эйзенштейна генеральной линии не получилось».

В то же время сам Шолохов, вооруженный марксистско-ленинским научным пониманием законов общественно-го развития, изобразил события 30-х годов как явления типические, закономерные. И он оказался прав.

5. Метод – это особая манера восприятия действительного мира и особого его отражения путем особых изобразительных средств.

В искусстве содержание не имеет самостоятельного значения, но приобретает его благодаря форме, в которую оно заключено. Все великие художники прошлого обращали внимание именно на эту сторону искусства. «В искусстве все дело заключается в исполнении», – писал Гете. «В деле искусства вопрос: как? – важнее вопроса: что?» – подчеркивал Тургенев.

И это безусловно так. Но до последнего времени на эту сторону искусства не обращали никакого внимания. Поэтому и в определении метода специфика искусства совершенно игнорируется, что привело к тому, что искусство стало рассматриваться как средство популяризации, пропагандирования определенных идей и мыслей. Это привело к появлению бесчисленных тенденциозных, однообразно дидактических, лишенных глубины мысли и свежести чувства про-

изведений.

Необходимо поэтому преградить дорогу этому мутному потоку. Для этого следует точно обозначить специфику литературного искусства, чтобы каждый, кто берется за литературное ремесло, мог себе представить совершенно определенно, что от него потребует современный читатель.

Лучше всего Гегель определил требования к художнику: «С точным знанием внешнего мира он должен соединять такое же близкое знание и понимание **внутренней жизни** человека, душевных страстей и всех целей, к осуществлению которых стремится человеческое сердце, а к этому двойному знанию должно еще присоединиться знакомство с характером выражения **внутренней жизни** духа в **реальном** мире, художник должен знать, каким образом она просвечивает через внешнюю поверхность последнего» (Гегель. Эстетика. С. 289).

5а. Первые два условия совершенно понятны. Что же представляет третье условие, «знакомство с характером выражения внутренней жизни духа в реальном мире»?

Правдивое изображение жизни человеческой личности возможно только при многостороннем раскрытии всех ее сторон, свойств и качеств. Но есть ли средства для наиболее полного выражения человеческой личности в художественном образе? Кант указывает, что люди имеют определенный способ выражения, которым они «пользуются в языке, чтобы с возможною полнотою сообщаться друг с другом, т. е. де-

литься не только понятиями, но и ощущениями». Далее Кант писал: «Этот способ сообщения с другими состоит **в слове, движении и тоне** (в артикуляции, жестикуляции и модуляции); **только соединение этих трех видов выражения** и создает всю способность говорящего сообщать свои состояния другим, ибо только тогда мысль, созерцание и ощущение передаются другому одновременно и в своем соединении» (*Кант. Критика способностей суждения. 1896. С. 195*). Эта мысль Канта разъясняет смысл, который Гегель вкладывал в третье условие, предъявляемое им к художнику.

Но эти условия выполнимы только в том случае, если художник обладает «даром и склонностью к схватыванию действительности и ее форм», «цепкой памятью», которая сохраняет «в себе пестрый мир этих многообразных форм». Совокупность всех этих требований, определяющих не только качество восприятия действительного мира, но и качество его отражения с помощью определенного способа выражения, дающего возможность с наибольшей полнотой раскрыть внутренний мир человеческой личности, предмета, явления, определяет сущность реализма как метода.

Реалистическая манера восприятия действительного мира заключается в многогранном понимании каждой человеческой личности, каждого общественного явления, природы. Только многогранное восприятие действительного мира может быть воплощено, при знакомстве с характером выражения внутренней жизни духа в реальном мире, в правдивые

художественные образы, дающие впечатление человеческой индивидуальности. Романтизм представляет собою также особую манеру восприятия и отражения особыми средствами действительного мира.

6. Такое толкование метода дает прежде всего единообразие, без которого невозможно существование литературной науки.

Метод социалистического реализма, возникший в определенных условиях развития советского общества, также определяет специфическую манеру восприятия действительного мира и его отражения.

Определение социалистического реализма.

В определении, записанном в Уставе ССП, сформулированы скорее задачи искусства, но не его метод. Всякая теория делается более определенной в действии. Литература, следуя методу социалистического реализма, выполняла дидактические, моралистические функции, превратилась в резко тенденциозное направление, что привело ее к иллюстративности. Такое понимание задач искусства привело к тому, что всякий более или менее знакомый с литературным делом становился писателем, в результате чего открылся широкий простор целой массе ремесленников, не имеющих своего голоса, не обладающих необходимым знанием жизни человеческой. Появилось много произведений, составленных по готовым рецептам литературной теории, без всякой искры вдохновения и таланта, до крайности бесцвет-

ные и похожие друг на друга, так как в их основе лежало одно и то же намерение. Они появлялись на свет для того, чтобы так же бесследно и быстро исчезнуть, не пережив срок выхода журнальной книжки. Эти произведения не вызывали ничего, кроме скуки и неудовлетворенности. Эти произведения были построены по ясно намеченному плану, как строится дом или машина. В таких произведениях нет ничего непонятного: все ясно и целесообразно. Такое произведение может получить наше одобрение, как полезное, умное и нужное, но никогда не увлечет нас, не восхитит, не заразит неподдельным и органическим чувством. Произведения прошлых лет, когда господствовала теория социалистического реализма, строились так, что каждый шаг был точно рассчитан, слишком ясно вытекал из предыдущего, в таких произведениях было все слишком понятно и ясно, такие произведения были чрезвычайно скучны, бездарны именно благодаря своей рационалистичности. Появление подобных произведений было обусловлено тем, что теория социалистического реализма рассматривала искусство как средство коммунистического воспитания советского народа.

7. В связи с этим метод социалистического реализма требует, чтобы писатель, отбирая лучшие качества и чувства советского человека, изображал жизнь в революционном развитии. При этом типическое в искусстве рассматривалось преимущественно как исключительное в жизни. Это, конечно, особая манера восприятия действительного мира и осо-

бого его отражения.

Изображение жизни в революционном развитии рассматривали не как диалектическое развитие, т. е. борьбу противоположностей, а как механическое перемещение в завтрашний день, где жизнь протекает без борьбы и треволений.

Теория бесконфликтности – закономерное следствие метода социалистического реализма, требующего отбора лучших чувств и качеств советского человека при создании художественного образа.

8. Возникновение метода социалистического реализма обусловлено тем, что в жизни существовали тенденции неправдивого освещения фактов. В письме к Бухарину В.И. Ленин писал: «Самое худое у нас – чрезмерное обилие общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке **изучения** местного опыта. **И на местах и вверху могучие тенденции борются против его правдивого оглашения и правдивой оценки**».

Если при жизни В.И. Ленина эти могучие тенденции получали отпор с его стороны, то после его смерти они беспрепятственно развивались, что и привело к теоретическому их обоснованию, к призыву изображать только хорошее, отбирать только лучшее.

Эта тенденция очень живуча, она не так быстро исчезнет из практики нашего государства, из практики нашего искусства. Об этом рассказывает В. Овечкин в «Трудной весне».

9. Ленин везде и всюду отстаивает «полную и открытую

правду», разоблачая беспощадно ложь и лицемерие. Полную и открытую правду можно сказать народу, если не игнорировать всей совокупности жизненных фактов, не толковать произвольно отдельные явления, выхваченные из неразрывной цепи фактов и событий.

В.И. Ленин большое внимание уделял фактам, требовал, чтобы политические деятели собирали как можно больше фактов, потому что чем больше будешь знать фактов, тем многостороннее, правдивее будет нарисована картина той части жизни, изучением которой занимаешься, а чем правдивее картина, тем больше веры со стороны народа.

Чтобы правильно определить место и назначение того или иного явления, события в неразрывной цепи исторического процесса, писатель или политический деятель должен знать со всех сторон сущность явления, события, не отбирая **только** лучшие или **только** худшие стороны – сущность такого отбора одинаково вредна: она искажает предмет, явление, представляет его читателю только с одной его стороны.

10. Метод социалистического реализма занял господствующее положение в развитии советского искусства. Могучие тенденции неправдивого освещения событий, фактов, существовавшие и в 20-е годы, получили теоретическое оформление на Первом съезде писателей. Но литература 30-х годов развивалась не только под влиянием лозунгов метода социалистического реализма. Некоторые писатели остались верными реалистическому методу, т. е. многогранному воспри-

ятию действительного мира и правдивому его отражению.

А. Толстой и история его романа «Хождение по мукам».

Эстетические взгляды М. Шолохова. Его призыв к правдивому изображению реальной действительности. Творческая история его романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Оценка Шолоховым советской литературы в 1951 году.

Писатели-реалисты избирали различные пути в отстаивании своих творческих принципов. М. Шолохов остался последовательным сторонником метода реализма и предпочитал ничего не печатать, чем говорить полуправду. Это не значит, что он не писал, он писал, и много, но все время чувствовал сковывающий лед эстетической теории, которая господствовала во время культа личности. Не случайно, что главы из второй книги «Поднятой целины», написанные еще до войны, стали появляться только с 1954 года, когда подул освежающий ветер ленинизма.

Другие писатели, как А. Толстой, Сергеев-Ценский, Шишков, углубились в реалистическое изображение исторического прошлого нашего народа и создали замечательные по своей правдивости картины русской жизни различных эпох. Поэтому следует категорически отменить заявления зарубежных критиков о застое в русской литературе. В 30-е годы были созданы такие произведения, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Емельян Пугачев», «Севастопольская страда», «Петр Первый», «Хождение по мукам», которые вошли в золотой фонд русской литературы. И это лишний раз

подтверждает огромные преимущества реалистического метода перед другими методами.

11. В настоящее время некоторые сомневаются в существовании теории социалистического реализма. Это антиисторическая постановка вопроса. Теория социалистического реализма существовала, и этого никак нельзя обходить при изучении советской литературы. Но при этом надо иметь всегда в виду, что была борьба и за реалистическое, многогранное, правдивое изображение действительного мира, была борьба за полную и открытую правду, которую В.И. Ленин в первые годы советской власти провозгласил как неотъемлемое качество руководителя, журналиста, писателя.

Ленинское понимание правды.

М.А. Шолохов и в своих эстетических высказываниях, и в творческой практике остался до конца верным ленинскому пониманию правды действительного мира. М.А. Шолохов – ум, честь и совесть русского народа.

12. Многие критики и литературоведы сейчас стараются в метод социалистического реализма вложить совершенно новое содержание, а то, которое было, объявить продуктом вульгаризаторов метода социалистического реализма.

Литературная теория имеет огромное значение. В этом все убеждены. Поэтому перед теоретиками искусства очень остро стоит вопрос о разработке теории, которая ориентировала бы писателей, живописцев на создание таких произведений искусства, которые были бы пронизаны ленинским

пониманием правды действительного мира. Только в этом случае можно ожидать появления произведений, полных высоких идей, глубоких мыслей и благородных чувств. Только такие произведения могут возбудить благодарность миллионов.

Л. Толстой писал: «Человеческое слово может быть полезно только тогда, когда оно заключает в себе истину. Всякая ложь, даже самая блестящая, высказываемая хотя даже с самыми благородными, высокими целями, непременно в конце концов должна произвести не пользу, а величайший вред».

В. Петелин.

Надеюсь, читатели помнят, что эти тезисы были сострепаны за три-четыре часа. Боря Бугров уже сидел в моей комнате, когда я дописывал последние страницы этих тезисов.

Борис Бугров доставил их в партбюро, где тут же машинистка их перепечатала. Вечером в тот же день собралось партбюро, А.И. Метченко доложил свое мнение о тезисах и основных положениях моего доклада. Члены партбюро во главе с Л.Г. Андреевым (все собирался ему написать, помнит ли он этот эпизод факультетской жизни, но так и не собрался) единогласно осудили эти тезисы. Партбюро решило, что с докладом на научно-теоретической конференции четвертого курса филологического факультета МГУ выступит профессор А.И. Метченко, автору же тезисов слова не давать,

тем более что он закончил аспирантуру и к нашему факультету уже не имеет никакого отношения. Это решили поздно вечером накануне открытия конференции.

А утром следующего дня я с тревогой в душе иду в родной университет, не ведая и ничего не зная о драматических событиях, происходивших на факультете...

Теперь-то могу себе представить, что А.И. Метченко провел, может, бессонную ночь, готовясь в спешном порядке к докладу и чертыхаясь по адресу строптивного аспиранта, рукопись которого он уже отметил в своей новомирской статье, которая вот-вот выйдет и ничего уже снять из нее нельзя. Такие чувства испытывал бы любой профессор того времени, неожиданно оказавшись в столь неловком положении: А.И. Метченко был умным, образованным, даровитым, но одновременно он был человеком своего времени, события 20 – 40-х годов формировали его ум и душу, а мы знали об этом времени лишь понаслышке да из доклада Хрущева, ошеломившего нас.

Борис Бугров уже ждал меня. И сразу огорчил: докладчик – Метченко, мне слова не давать, и вообще обстановка накалилась до предела.

– Но я после Метченко предоставляю тебе слово, Виктор. Так что говори все, что подготовил, ничего не меняй.

В то время эти слова показались мне нормальными и естественными, и только сейчас, вспоминая этот эпизод, понимаю, что это было решение отважного и мужественного че-

ловека: на четвертом курсе идти против партбюро... М-да-а!

А между тем в аудиторном корпусе МГУ творилось что-то явно неладное: никогда еще не видел такого скопления людей – громадная очередь в гардероб, много суеты, громких разговоров, чувствовалось, что ожидали чего-то необычного, скандального. А у меня всего лишь научный доклад... и никакой политики...

Коммунистическая аудитория была битком набита, хотя до начала не меньше тридцати минут. Первые два ряда – свободны: для профессорско-преподавательского состава и членов партбюро... Пристроился с краю, чтобы поскорее выйти, когда вызовут. На кафедре – профессор Метченко. Трудно вспомнить, о чем он говорил, но только не о литературе; хорошо помню, что больше всего времени докладчик уделил международному положению. А в то время как раз происходили чудовищные события: Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Советское правительство потребовало прекратить агрессию: Израиль вторгся на Синайский полуостров, Франция и Англия после бомбардировки Египта с воздуха высадили десант в районе Порт-Саида, но жители города мужественно сражались за только что обретенную свободу от английских колонизаторов. 5 ноября 1956 года советское правительство предупредило захватчиков, что готово применить силу, чтобы помочь египтянам отразить агрессию. После этого военные действия были прекращены, но из захваченного Порт-Саида и с Синайского полуострова не со-

бирались уходить. Советское правительство на этот раз предупредило агрессоров, что не будет препятствовать добровольцам Советского Союза, готовым помочь с оружием в руках египтянам в их справедливой борьбе за свою свободу. Лишь 22 декабря 1956 года войска Франции и Англии покинули Египет, а Израиль – лишь в марте 1957 года.

Так что научная конференция студентов четвертого курса как раз приходилась на самое взрывоопасное время, когда могла разразиться война, совершенно непредсказуемая по своим последствиям (примерно такая же, как недавняя с Ираком, только ситуация была другая, да и Советский Союз был другим).

И вот этим опытный оратор воспользовался на полную, так сказать, катушку, говорил о бдительности, о тех, кто в это напряженное время готов отказаться от наших незыблемых принципов партийности и народности, подвергнуть безнравственной критике наши ценности, завоеванные в результате острейшей классовой борьбы. Имеются такие и на нашем факультете... А.И. Метченко говорил ярко, темпераментно, с таким искренним пафосом, что верилось в его слова.

Первые ряды бурно хлопали ему, а сотни собравшихся сидели тихо. Но при чем здесь вопрос «О художественном методе», который мы собирались обсудить? Да, Англия и Франция должны покинуть Египет, но почему это должно быть связано с отжившим свое время социалистическим реализмом, с теми догмами, которые, как ржа, разъедали души пи-

сателей. Так примерно думал я, слушая эти бурные аплодисменты первых рядов.

В этой накалившейся до предела атмосфере председательствующий Бугров предоставил мне слово. Начал я с азартом:

– Сейчас отовсюду слышится недовольство: прозаики говорят, что нет прозы (незадолго до этого в той же аудитории выступал К. Симонов и резко сетовал по этому поводу); критики – нет критических острых выступлений; драматурги – нет хороших пьес; поэты – нет настоящих стихов... Кто же мешает тому же Симонову создать нетленное художественное произведение, Софронову – захватывающую дух драму или трагедию, а Борису Рюрикову создать такие критические статьи, которые повергли бы нас в духовный трепет от глубоких мыслей и яркости изложения?.. Но, увы, никто из недовольных состоянием нашей литературы не спешит поразить нас глубокими художественными откровениями.

Что же мешает прозаикам, драматургам, поэтам и критикам создавать честные, правдивые произведения?

Метод социалистического реализма!

Тишина воцарилась, как говорится, гробовая.

Естественно, я не собираюсь пересказывать доклад, длившийся час пятнадцать минут. Первые ряды пытались сорвать мое выступление. Некоторые из самых ретивых даже топали ногами, что-то возмущенно кричали председательствующему, дескать, мы ж решили не давать Петелину слово, но Борис Бугров невозмутимо разводил руками.

Конечно, нельзя было так затягивать выступление, испытывать терпение. Попутно я рассказал о драматической истории трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», привел переписку между редактором «Нового мира» и автором, который предупреждал редактора, что он вовсе не заинтересован дать бесконфликтный, праздничный роман к 10-летию Октябрьской революции, у него сложные судьбы персонажей, которые поступают по своей воле, а не по воле автора, тем более редактора. Рассказал о трагической истории третьей книги «Тихого Дона», когда жестокая цензура редакторов пыталась сломать тяжелую судьбу его главного героя и сделать его большевиком. Но уж очень накаленной была обстановка и хотелось высказаться: я понимал, что другого такого случая не представится. Да и опыт подобных выступлений у меня был невелик, прямо надо сказать...

Потом выступил Д. Урнов, выступил ярко, темпераментно, заученные фразы так и слетали с его уст, совершенно не задевая души, больше упоминая о западноевропейских именах, – и ни слова о социалистическом реализме. «О чем он говорит? – недоумевал я. – Словно на экзамене по теории литературы...»

Я никак не мог прийти в себя после марафонского выступления, а главное – от недоумения. Да и дальнейший ход дискуссии ничем не омрачил первые ряды собравшихся. Мое выступление – глас вопиющего в пустыне.

Утром следующего дня я был на спецкурсе С.М. Бонди, в

перерыве ко мне подошел болгарский профессор и попросил дать ему почитать мой доклад, потом – американский стажер с той же просьбой, но я отказал, ссылаясь, что мое сочинение пока в единственном экземпляре, а перепечатать денег нет: аспирантскую стипендию я уже не получал, а накоплений – никаких. (Мой друг Станислав Петров, полонист, отец его был полковником КГБ в Свердловске, уговаривал меня никому не давать мой доклад, чтобы не погубить себя... «Ну а как же XX съезд партии?» – возражал я. Но никому не дал...)

Я. Гордин, полемизируя с Д. Урновым в том же номере «ЛГ», совершенно прав: «Дело в том, что Синявский (Абрам Терц) опубликовал свою точку зрения, а Петелин этого не сделал. Поэтому мнение Синявского стало фактом литературного и общественного процесса, а устное выступление Петелина осталось фактом внутренней жизни филологического факультета МГУ... И еще один штришок: робкого Синявского за его точку зрения «как подхватили сразу», так и понесли в мордовский лагерь, а смельчак критик Петелин невозбранно продолжал свою плодотворную литературную деятельность и основ больше не потрясал».

Прав в том смысле, что факт публичного выступления нельзя сравнивать с фактом публикации; надеюсь, Д. Урнов имел в виду, скорее всего, совсем другое: то выступление аспиранта как бы символизировало возникновение нового мышления, возникновение чувства духовной независимости и способности думать и рассуждать по-своему, сбросив ско-

вывающие мысль догмы. Только и всего!

Конечно, догмы крепко еще держались в учебниках и статьях, но всем было ясно, что эти гвозди, скреплявшие нашу незыблемую идеологию, начали ржаветь, пока совсем не проржавели и здание марксизма-ленинизма совсем не распалось.

Категорически возражаю только против утверждения, что «критик Петелин невозбранно продолжал свою плодотворную литературную деятельность...». Легко уловить иронию автора, совершенно, видимо, не знающего ни одной моей книги и не представляющего себе, что в них содержится. Но это, в сущности, мало меня задевает...

Я очень рад, что не отдал доклад ни болгарскому профессору, ни американскому стажеру; очень рад, что не оказался в мордовском лагере, и очень огорчен тем, что там оказался Синявский, который еще восемь лет «невозбранно» печатался в советских изданиях после выхода в свет своей работы «О социалистическом реализме», а уж потом, когда узнали, кто скрывается под псевдонимом, устроили позорное судилище. И по праву воздается ему: и хула – за одно, хвала – за другое.

Скажу лишь, что после того выступления настала тяжелая пора. А.И. Метченко, только что отметивший в «Новом мире» правоту молодого исследователя В. Петелина и получивший нагоняй за это на ученом совете, проходил мимо меня при неизбежных встречах в узких коридорах факультета, не

отвечая на мои приветствия, словом, не замечал. Но однажды я остановил его:

– Алексей Иванович! Как моя работа, вы ж мой научный руководитель, мой учитель...

– Нет, я не ваш учитель, Виктор Васильевич! (Впервые, кажется, так называли меня в те мои молодые годы.) У вас другие учителя. – И пошел дальше.

Но эти заметки я пишу не для того, чтобы драматизировать события моей личной судьбы. Никто из моих друзей, товарищей, коллег не поддержал меня в моих критических рассуждениях – а ведь многие со мной соглашались – ни тогда, ни потом. Это уже политика собственной безопасности, опасения вездесущего ока охранительных служб, которые, естественно, были внедрены в идеологические структуры.

Пытался я устроиться на работу, но попытки тоже оказывались неудачными. Долго я никак не мог понять: место есть, а не берут. И только А.Г. Дементьев проговорился: оказывается, бюро горкома партии, рассмотрев отчет парткома МГУ, отметило мое выступление как «идейно порочное», разослав свои циркуляры во все идеологические организации.

Сначала принимали охотно, диплом с отличием, аспирантура МГУ, а потом:

– Где-то я уже слышал вашу фамилию...

Через несколько минут молчания, пока рылся в своих воспоминаниях:

– А-а-а, вспомнил...

И следовало твердое:

– Нет! Пока ничего для вас нет... Но вы заходите, может, что-то напишете для нас.

Вскоре после только что описанных событий вышел в свет журнал «Новый мир» (1956. № 12), в котором была опубликована статья профессора А.И. Метченко «Историзм и догма». Где-то в начале учебного года в Коммунистической аудитории выступал Константин Симонов, в то время главный редактор «Нового мира». А.И. Метченко был инициатором этой встречи, поделился своими мыслями с Симоновым, и тот предложил дать в журнал статью. Хоть номер был уже сверстан, дали «вдогон», как это частенько бывало в те времена: что-то слетало после цензуры, нужно было заполнить место в журнале. Кажется, это был именно такой случай, что-то вроде аварийной публикации.

В статье критиковались вульгарно-социологические схемы, которые сковывали живое движение общественной мысли, критиковались, естественно, с точки зрения стопроцентно выдержанной теории социалистического реализма.

Приведу полностью страничку, на которой упоминается и мое имя:

«...За социологической схемой мы проглядели глубокое философско-историческое значение той схемы, которую Горький выразил словом «дело», проглядели связь горьковского понимания «дела» с афоризмом «Жизнь есть деяние»,

с одной стороны, и с афоризмом «Всякое дело человеком ставится, человеком славится» – с другой. Если бы мы учитывали эти необычайно характерные для Горького мысли, может быть, мы тогда не отождествляли бы историю дела в романе только с историей капитализма, а увидели бы, как дело, начатое Артамоновым-старшим и воспринимавшееся им как деяние, перерастает самих Артамоновых, под властью которых ему грозила опасность превратиться в злодеяние, как происходит «отчуждение» Артамоновых от главного, что есть в деле, – его человечности, и как дело переходит в руки тех единственных хозяев, которые в состоянии не только поставить его, но и прославить.

Попутно отмечу, что тот же упрощенно социологический подход к явлениям искусства наложил свою печать на изучение функции пейзажа в наиболее поэтических произведениях советской литературы. Прав молодой исследователь творчества М. Шолохова В. Петелин, критикуя некоторые последние работы о Шолохове за схематическое освещение в них функции пейзажа в «Тихом Доне». Стараясь во что бы то ни стало доказать, что картины природы в этом романе подчинены задаче усилить, сгустить впечатление внутренней опустошенности Григория Мелехова, которая наступает как расплата за отход от народа, авторы этих работ утверждают, будто в те светлые периоды, когда этот герой романа находится на правильном пути, он воспринимает величие и красоту окружающего мира, остро ощущает запахи трав, видит

всю многокрасочность природы, а когда он идет против народа, то и красота мира идет как-то мимо него, его восприятие природы становится однокрасочным, ущербным. Однако достаточно вспомнить переживания Мелехова и его восприятие природы, когда он с бандой Фомина ускакал от красноармейского отряда, чтобы вся эта социологическая схема разлетелась прахом. Приведем небольшой отрывок.

«Странное чувство отрешения и успокоенности испытал он, прижимаясь всем телом к жесткой земле. Это было давно знакомое ему чувство. Оно всегда приходило после пережитой тревоги, и тогда Григорий как бы заново видел все окружающее. У него словно бы обострились зрение и слух, и все, что ранее проходило незамеченным, после пережитого волнения привлекало его внимание». И далее идет изумительный «шолоховский» пейзаж, поражающий точностью рисунка, богатством красок, умением выделить из потока впечатлений две-три детали, в которых мастерство пластики сливается с проникновенным лиризмом. Отметим в этой картине всего лишь один образ багряно-черного тюльпана, блистающего яркой девичьей красотой.

«Тюльпан рос совсем близко, на краю обвалившейся сурчины. Стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать его, но Григорий лежал, не шевелясь, с молчаливым восхищением любуясь цветком и тугими листьями стебля, ревниво сохранившими в складках радужные капли утренней росы».

Исследователь-социолог не может примириться с таким

«безыдейным» (с его точки зрения) описанием природы, ему необходимо, чтобы ярко-красные тюльпаны вызывали в памяти Григория пролитую им кровь народа и заставляли его закрывать глаза. Подобные нехитрые схемы и убогая символика накладываются на изображение пейзажа у разных художников, в разных произведениях, мешая понять их подлинный идейный смысл, воспринимать их истинную красоту.

Социологические схемы мешают правильно оценить выдающиеся произведения, поднимающие проблемы эпохального значения. Узко понимая актуальность таких произведений, мы нередко частное и преходящее выдаем за главное...» (Новый мир. 1956. № 12).

Естественно, статью прочитали и на факультете, ведь не часто ученые факультета удостоивались такой чести быть опубликованными в «самом» «Новом мире». И на первом же заседании ученого совета профессор Н.А. Глаголев, конармеец в Гражданскую, рапповец в 20-е, выходец из Института красной профессуры в 30-е, не защитивший ни кандидатской, ни уж тем более докторской, типичный представитель вульгарно-социологического направления в литературоведении, в своем выступлении обратил внимание коллег на противоречивость А.И. Метченко в отношении к своему аспиранту: с одной стороны, на трибуне резко критикует антипартийную, идейно порочную позицию В. Петелина, отвергающего основополагающие принципы теории социалисти-

ческого реализма, а с другой стороны – поддерживает его публично же в «Новом мире».

– Что же получается, Алексей Иванович? – ехидно, как мне рассказывали, спрашивал Н.А. Глаголев. – Публикация в «Новом мире» перечеркивает ваше выступление в Коммунистической аудитории. Нехорошо получается, Алексей Иванович... Мы, красногвардейцы, в Гражданскую войну немало порубали таких вот, кто порочит нашу идеологию и кто выступает против марксизма-ленинизма... Что подумают студенты, аспиранты, молодые преподаватели, которые должны брать с нас, старых коммунистов, пример для подражания в отстаивании наших идеологических основ... Нехорошо, Алексей Иванович, вы недавно получили орден Ленина...

Представляю себе самочувствие непогрешимого до сей поры профессора Алексея Ивановича Метченко... Не раз он еще пожалеет, что сослался на мою диссертацию. Но... Написанное пером – не вырубешь и топором... После моего выступления пытался вычеркнуть эту ссылку, но журнал уже был в типографии, ничего нельзя было сделать.

И память, память, «мой властелин», относит нас еще на несколько лет, к истокам этих скромных, вроде бы заурядных событий: ну, что такого, выступление с докладом «О художественном методе» в Коммунистической аудитории.

Дипломную работу на тему: «Роман Ст. Злобина «Степан Разин» в развитии советского исторического романа» под

руководством А.И. Метченко я писал с удовольствием. Историю я любил, а тема эта давала широкий простор для самостоятельности, для привлечения материала и собственно его истолкования. В сущности, я был предоставлен самому себе: профессор Метченко заболел, обширный инфаркт надолго приковал его к постели. Месяца четыре он вообще никого не принимал, а когда ему стало полегче, пришла пора защиты дипломных работ. Вспоминаю, как я волновался, сдавая ему готовую работу. Прочитал он быстро... Возможно, у него и были какие-то замечания, но времени на доработку не было, и он тут же назначил срок защиты, вызвал своего аспиранта в качестве оппонента, высказал ему свои замечания, которые тот в своем отзыве повторил на защите.

Защитил, рекомендован в аспирантуру, сдал госэкзамены, получил диплом с отличием, сдал вступительные экзамены в аспирантуру, принят. Научным руководителем у меня стал крупный специалист по историческому роману Сергей Митрофанович Петров. Начали с ним искать тему, диссертационную, как он выразился. А пока готовился к кандидатским экзаменам, произошло событие, которое изменило направление моей работы в аспирантуре. Сергей Митрофанович Петров был уволен из университета якобы за моральное разложение, в высших партийных и литературных кругах произошла какая-то скандальная история на любовной почве, в которую был замешан и мой научный руководитель («дело» Г. Александрова).

Историю я любил, но меня тянуло к современности, и я сказал об этом А.И. Метченко. И он вновь стал моим научным руководителем.

В критике заговорили о только что вышедшем в свет романе молодого тогда Д. Гранина «Искатели». В основном хвалили. Вскоре появилась двухподвальная статья Виталия Озерова в «Литературной газете», превозносившая этот роман, как говорится, чуть ли не до небес. А я по простоте своей душевной прочитал этот роман и ужаснулся, увидев пропасть между сутью романа и тем, что о нем говорилось. Тусклый язык, описательность, худосочные характеры, плоскостное изображение жизни... Хвалили, как обычно, за содержание, новизну конфликта, борьбу молодого со старым, нового с отжившим.

В Доме культуры на Ленинских горах состоялась дискуссия об этом романе, выступили студенты, аспиранты, преподаватели. С хвалебным словом, помнится, выступил Владимир Лакшин, ставший впоследствии заметной фигурой в литературном движении 60 – 70-х годов, с резкой критикой романа выступил я. Попытался напечатать это свое выступление, но повсюду получил отказ. Может, плохо написано, успокаивал я сам себя... Вполне возможно, я ведь только приобщался к литературному труду, не подозревая о его тяжести и непредсказуемости. И, уж конечно, даже в голову не приходило, что критики могут похвалить то или иное произведение в угоду времени, разругать по велению сверху, по-

хвалить или разругать из-за групповых или националистических пристрастий.

Между тем я был единственным, кто все еще ходил без темы диссертации.

– Возьми творчество Федора Гладкова, – сказал однажды Метченко. – Тема актуальная. Гладков недавно получил Сталинскую премию, о нем много сейчас пишут, но бегло, поверхностно, можно копнуть поглубже. Быстро защитишь...

Стал читать Гладкова... Выспренне, натужливо, монотонно. В «Цементе» есть что-то интересное, смелое, новаторское, но о романе столько уже написано. Писать о Гладкове – насиловать себя... Сказал о своих впечатлениях Алексею Ивановичу.

– Ну, возьми два последних романа Ильи Эренбурга. Очень интересная тема, можно быстро защитить...

Эренбурга я читал и отказался сразу. Из современных писателей я любил Михаила Шолохова и Алексея Толстого, но...

Впервые я увидел Михаила Шолохова на вечере Сергея Васильева и Сергея Смирнова: Михаил Александрович, прервав свое вешенское затворничество, неожиданно для всех появился «на людях», да еще в качестве председателя литературного вечера. И было это осенью 1953 года в Большом зале Политехнического музея. Шолохов носил тогда еще гимнастерку, шинель, сапоги и папаху.

Вечер прошел с большим успехом. С чтением своих сти-

хов выступали известные поэты. Шолохов, предоставляя каждому из них слово, говорил всего лишь несколько фраз, но говорил он так, что слушатели то смеялись, то мгновенно становились серьезными. Вроде ничего особенного он не говорил, а все, что говорил, действовало неотразимо. Что-то случилось и со мной. Как-то по-новому представилось мне его творчество. Естественно, я читал и перечитывал не раз «Тихий Дон» и «Поднятую целину», и Григорий Мелехов вместе с Пьером Безуховым были моими любимыми литературными героями, а после того вечера захотелось мне всерьез заняться творчеством Шолохова.

Чуть ли не на следующий день я пришел к заведующему кафедрой русской советской литературы профессору Алексею Ивановичу Метченко посоветоваться относительно темы диссертации. Как же я был разочарован, что диссертация о Шолохове только что написана Л. Якименко и представлена к защите, В.А. Апухтина тоже пишет о творчестве Шолохова. Что ж нового можно сказать, подумалось, если только-только на той же кафедре написана работа, к тому же и передана в издательство «Советский писатель». А более высокого признания не могло и быть, – так, во всяком случае, казалось тогда начинающему литератору. И начались поиски темы, которая бы увлекла и была бы актуальной, современной и любимой.

Весной 1954 года мне поручили прочитать одну дипломную работу, посвященную «Тихому Дону», и выступить в ка-

честве оппонента на ее защите. То, что там было написано, просто потрясло меня. Не сама по себе дипломная работа, а цитаты из только что вышедшей книги Л. Якименко «Тихий Дон» М. Шолохова», густо вкрапленные в текст ее. Суть их заключалась в том, что Григорий Мелехов – отрицательный герой и что Шолохов резко отрицательно относится к нему, творит над ним беспощадный суд, карает его за все грехи и ошибки. Ничего человеческого не осталось в душе Григория Мелехова – вот итог его преступного пути. В этом заключался и пафос книги Л. Якименко.

Естественно, дипломница полностью разделяла пафос своего научного руководителя Л.Г. Якименко. Я написал резко отрицательный отзыв, указывая на то, что автор работы не понял сути «Тихого Дона», сути Григория Мелехова и пр. и пр. Назревал скандал. И я решил посоветоваться с Алексеем Ивановичем, председательствующим на предполагаемой защите. Он тут же прочитал мой отзыв и долго думал, изредка посматривая на меня.

– А ведь и твою дипломную работу можно было изругать, но она получила отличную оценку, в ней я увидел твои возможности, твою работоспособность, полную отдачу, огромный материал, собранный тобою. Но сколько в этой твоей работе было сырого, непрожеванного, так сказать, а ты получил рекомендацию в аспирантуру... И тут не менее сложный случай. Дипломница – венгерка, к тому же и беременная, она сегодня здесь, а завтра уедет к себе, и мы должны

сделать все для того, чтобы у нее осталось хорошее впечатление о Московском университете, о России, о нашей литературе, а ты хочешь ее... У тебя есть здесь хорошие страницы, о теме дипломной работы, о собранном материале, вот об этом и скажи... Смягчи, смягчи свое выступление, нельзя же так. Есть определенные правила игры. Мы ее допустили до защиты, она много работала, ну что ж, что она не так думает, как ты, она думает так, как ее научный руководитель, такова сложившаяся традиция.

Защита прошла успешно, дипломная работа получила хорошую оценку.

Но после этого эпизода я много думал о том, что только что произошло на факультете. Я прочитал книгу Л.Г. Якименко «Тихий Дон» М. Шолохова», всю ее исчеркал, поставив множество вопросительных знаков, перечитал «Тихий Дон» и пришел к А.И. Метченко с твердым решением писать только о Шолохове.

На этот раз он поддержал мою мысль написать диссертацию о Шолохове, несмотря на то что вышла монография о «Тихом Доне»: и ему стало ясно, что в книге Л. Якименко допущено много грубых ошибок, которые могут и должны быть оспорены. Так началась полемика, которая продолжается до сих пор.

Стал читать книги, статьи о творчестве Шолохова... Оказывается, многие годы некоторыми критиками проводилась такая мысль, что Григорий Мелехов – наш враг, которого

необходимо растоптать, и Шолохов, дескать, сам совершает над ним беспощадный приговор народа. Неужто Шолохов не знает, что делается с его героями? И каждый раз, мысленно разговаривая с ним, вспоминал Большой зал Политехнического музея, добродушного, веселого, улыбочивого человека на эстраде, с которым мне просто необходимо повидаться и поделиться своими мыслями, сомнениями, наблюдениями. Я начал искать возможности встретиться с ним. Случай вскоре представился.

3. Встречи и разговоры с М.А. Шолоховым

Накануне Второго съезда советских писателей в Москву приехал Шолохов. Узнав его телефон и что ему надо звонить довольно рано по московским понятиям, то есть часов в восемь утра, я вместе с моим другом Станиславом Петровым, аспирантом-полонистом, начали каждое утро названивать Михаилу Александровичу. Это оказалось не так просто, как представлялось неопытным аспирантам-филологам. Дел у него в Москве было много, все расписано по часам, но он не отказывал нам во встрече, надеясь, что у него образуется окошечко. Каждый раз мы договаривались, когда можно будет ему позвонить, и в назначенный час регулярно ему звонили. До съезда встречи не состоялось, но зато Шолохов признал нас, весело отзывался на наш звонок, поверил, что нам действительно надо бы повидаться, что нам такая встреча просто необходима.

На съезде мы бывали каждый день. Все ждали выступления Михаила Шолохова. И когда он вышел на трибуну, долго не смолкали аплодисменты. Блестящая его речь произвела такое же впечатление, как гром среди ясного неба. Сравнение банальное, но зато точно передает атмосферу того времени.

Рано утром следующего дня мы, как и договаривались,

упрямо звоним на Староконюшенный. Подошел сам Шолохов. Снова пришлось напоминать ему, кто мы и что хотим встретиться.

– Вы знаете, что выступал вчера? Так вот я еще не ложился спать. Много было всяких разговоров и споров... – Ну, думаем, опять не повезло. – Но если вы сейчас можете приехать, то приезжайте, знаете, где я живу? Ну вот, жду вас...

Не было еще и девяти часов утра, а мы уже не совсем, правда, уверенно нажимаем кнопку звонка. Дверь открывает сам Шолохов. На его плечах военный китель. Мы что-то бормочем насчет того, что перед ним те самые аспиранты, которые только что звонили. Шолохов приветлив, хотя и весьма сдержан. По всему чувствуется, что бессонная ночь сказывается на его настроении. Только потом мы поняли, что дело не в бессонной ночи, ему, охотнику и заядлому любителю рыбной ловли, бессонная ночь – дело привычное. Дело в том, что часть литераторов неправильно поняла его речь на съезде. И не только писатели, которых он ядовито затронул в своей речи, но и в «верхах» было недовольство, как выяснилось позднее. Шолохов пригласил нас в кабинет. Мы уселись на диване, а Михаил Александрович напротив на стуле. У ног его удобно улеглась огромная охотничья собака.

Разговор понемногу налаживался. Смущение, которое сковывало нас, постепенно куда-то улетучилось. Но разговор пошел по другому руслу, чем я предполагал. Нет, я вовсе не собирался задавать ему вопросы о прототипах «Поднятой

целины» или «Тихого Дона», столь традиционные в устах начинающих исследователей. Мне хотелось просто увидеть создателя великих творений, расспросить его, как он стал художником, что послужило первым толчком к творчеству, как он, наконец, относится к тем писаниям о Григории Мелехове, которые заполнили страницы многих статей и монографий к тому времени. К сожалению, большого разговора так и не получилось: то и дело звонил телефон. Только кто-нибудь из нас скажет что-нибудь, как тут же звонок, Шолохов берет трубку, разговор обычно затягивался: в это утро звонили его друзья. Запомнился разговор с Овечкиным. По шутливым и серьезным репликам Михаила Александровича было ясно, что вчерашние волнения еще не улеглись. Еще резче, чем на съезде, говорил Шолохов о тех, кто плохо знает жизнь народа, а берется писать об этом. Запомнилась высокая оценка Шолоховым Александра Фадеева, его личного мужества, его бескорыстия, его глубокой человечности. Впервые от Шолохова мы узнали, что Фадеев был ранен во время подавления Кронштадтского мятежа. И эта фадеевская кровь на кронштадтском льду, по словам Шолохова, незабываема. А когда телефон не трезвонил, он вспоминал, отвечая на один из моих вопросов, о напряженных событиях Гражданской войны на Дону: как-то зимой возвращался он домой через станцию, занятую белыми, его остановили, проверяли документы, долго разглядывал его, дыша винным перегаром прямо в лицо, какой-то казачий урядник, а потом, разглядев, что

перед ним тринадцатилетний подросток, махнул рукой: пропустить, дескать. Лошадь тронулась, урядник откачнулся, и этот едва стоявший на ногах урядник навсегда врезался в память художника.

– А зачем вам критикой-то заниматься? – как бы вслух размышлял Шолохов. – Вы еще молодые, попробуйте написать о чем-нибудь близком и дорогом, об отце, о матери. Возьмите и напишите о студентах и преподавателях университета. Как видится вам жизнь, так и пишите, отбор жизненных явлений сам собой произойдет. Вот Виталий Закруткин... Начинать он как ученый, тоже в аспирантуре учился, преподавал в Ростовском университете, а сейчас написал хорошую книгу. Это полезнее, чем критикой заниматься...

Больше часа мы сидели в кабинете Шолохова, должен был вот-вот приехать Овечкин, по-прежнему трезвонил телефон, а тут еще вошел в кабинет какой-то мужчина, которого Шолохов запросто называл Федей, и мы поняли, что нам пора собираться. Пришел Валентин Овечкин, Шолохов познакомил нас, потом опять звонок в дверь. На этот раз пришли из Радиокomiteта и стали упрашивать Шолохова выступить по радио.

– А что же вчера-то не записывали? Нет, я выступать больше не буду...

Кто-то еще входил, кто-то опять звонил... Естественно, мы стали прощаться, хотя Михаил Александрович и удерживал нас.

Весь 1955 год я готовился к кандидатским экзаменам, сдавал их, но главное – собирал материалы по диссертации.

Весной 1956 года Михаил Шолохов выступил на XX съезде КПСС. С неподражаемым юмором высмеял он тех, кто представлял положение в литературе в радужных тонах и благополучных цифрах. Набатно прозвучал его призыв еще внимательнее отнестись к литературным делам и навести там порядок, «решительно перестроить всю работу Союза писателей», который «из творческой организации, какой он должен быть, превратился в организацию административную».

На следующий день я позвонил Шолохову, так, на авось, а номер телефона у меня сохранился от первой встречи. Голос его сразу узнал и оторопел от неожиданности: такая удача и не снилась мне. Чуть заикаясь, стал напоминать о нашей встрече в декабре 1954 года, о незадаанных тогда вопросах.

– А когда с девушками говорите, тоже так волнуетесь? – Этот ехидный вопрос несколько огорошил меня, но и сразу привел в воинственное состояние: к тому времени я уже научился разговаривать с девушками. Ну а пока раздумывал, что ответить, там, на другом конце провода, деликатно помалкивали. Вскоре я пришел в себя, принял его шуточный тон, а потом я высказал то, ради чего и позвонил:

– Очень бы хотелось с вами встретиться, Михаил Александрович...

– Сегодня никак не могу. Вечером уезжаю...

– Как? – в отчаянии вырвалось у меня.

– А очень просто! Поездом...

– Может, сейчас? – уже безнадежным тоном задал я совершенно ненужный вопрос. Так хорошо и весело начинался наш разговор, будто мы многие годы были знакомы, и так неожиданно обрывался.

– А сейчас я поеду в Академию бронетанковых войск. Давно приглашали. Им не могу отказать.

– Можно мне туда попасть?

– Конечно, можно. Я скажу, чтобы пропустили вас.

– А если я приглашу и моего друга Славу Петрова, помните, мы вместе с ним были у вас, – решил я воспользоваться благоприятной минутой.

– Давайте, звоните. Я скажу, чтобы пропустили аспирантов Московского университета.

Попрощались. Я тут же помчался в университет. Нашел своего друга. И вот мы в академии. Огромный зал набит битком. Раздаются и долго не смолкают аплодисменты при виде выходящего на сцену Михаила Александровича Шолохова. Он рассказал о работе съезда партии, а потом обратился в зал с просьбой задавать вопросы.

Шолохов брал записку, читал ее вслух, а иногда, экономя время – уж очень их было много, – пересказывал, затем отвечал на нее.

Эту часть выступления мне удалось почти дословно записать.

– Спрашивают: «Какие произведения советской литературы вы считаете лучшими за последнее время?» Их достаточно много. В эти годы вышла очень неплохая книга Лидии Обуховой, неплохая книга Николая Чуковского, но это мое личное мнение. «Какие меры вы считаете необходимыми для исправления деятельности Союза писателей?» Безусловно, руководство должно быть коллегиальным. Сейчас Союз писателей превратился в бюрократическую организацию. Курьеров много, а дела мало.

Михаил Александрович прочитал очередную записку, переданную ему председательствующим.

– Вопрос о платных выступлениях. Для меня этот вопрос стал впервые в Военно-воздушной академии, где мне предложили деньги за то, что я там выступал. Я им сказал, что я зарабатываю пером, а не голосом. Спрашивают о роли Сталина в работе Союза писателей. Сталин был все-таки Генеральным секретарем партии, а не Союза писателей. О его роли трудно говорить. Ведь подхалимов у нас до черта. Были произведения, где описывалась поездка Сталина на фронт. Давно это было, а осуществлено недавно. «Почему вы оставили работу над произведением «Они сражались за Родину»?» Единственная причина, что я не дописал его: считал необходимым закончить вторую книгу «Поднятой целины». А вот в этой записке задают вопрос, почему я не рассказываю о своем методе создания художественных произведений, как бы это помогло молодым писателям. Признаться, я против

этого. Если все маститые писатели будут выступать в «Литературной газете» с предложением своих методов, то получится такая неразбериха, что любой молодой может шею сломать. «Почему многие писатели наши выезжают на своих старых произведениях?» Как это – выезжают? Если книга пользуется популярностью, ее переиздают. Так что верховая езда на старых книгах – это не то слово. «Вы говорите, что вы сразу работаете над двумя романами: над «Поднятой целиной» и «Они сражались за Родину». Как это у вас получается?» Прошу не думать, что я пишу правой ногой и левой рукой одновременно. Просто иногда хочется отдохнуть от «Поднятой целины» и писать о войне. Как я отношусь к Леонову и Федину? Очень хорошо отношусь. Оба талантливые писатели, это единственное, что я могу сейчас сказать. Опять вопрос о «Поднятой целине», ее замысле. Откровенно говоря, мне очень хочется закончить то, что я начал до войны. Для этого пришлось отложить «Они сражались за Родину». Я считаю, что «Поднятая целина» поможет нашим соседям зарубежным, где проходила коллективизация. «Нужен ли Союз писателей?» А почему бы нет? Был нужен до, будет нужен и после съезда. «Как Вы относитесь к Бунину?» Как писателя я его очень люблю. Тот же самый вопрос о Хемингуэе. Я считаю его «Старик и море» удивительно хорошей книгой. Повесть читается с большим интересом. В записке утверждают, что многие не любят Симонова. А почему не любят? Это дело вкуса. Симонов – несомненно талантливый

писатель. А что ему пять раз присуждали Сталинскую премию, то я к этому не имею никакого отношения.

Записки так и сыпались. Спрашивали, как он относится к романам Шпанова, Эренбурга, Бабаевского, Коптяевой... На каждый вопрос Шолохов отвечал коротко и ясно. Вопросы, вопросы, вопросы...

– «Правда ли, что вам рекомендацию в партию дал Сталин?» Нет, такой чести я не был удостоен. Меня рекомендовали в партию коммунисты станицы Вешенской. «Кто ваши друзья из писателей?» Многие, за исключением Эренбурга, кстати. «Будут ли в романе «Они сражались за Родину» танкисты?» А куда от вас денешься! «Почему вы переработали «Тихий Дон»?» Я не перерабатывал его, а утюжил, исправлял стилистические погрешности. «Правда ли, что вы все свои гонорары отдаете на строительство тех или иных районных или областных учреждений?» Как же так все отдать? А самому что? Без штанов ходить? «Почему вы не пишете о сегодняшней жизни?» А я и не брал на себя такого труда: писать о советской эпохе из года в год. Вот в этой записке утверждается, что я пишу роман «Они сражались за Родину» по указу Сталина. Это не соответствует действительности. Ничего мне Сталин не говорил и не советовал. Сталин говорил, что надо писать о войне. Говорил он это многим. Сталин действительно вызвал меня в 1951 году и спросил, когда был опубликован роман Ремарка «На Западном фронте без перемен». Я по памяти сказал. Сталин сказал, что пи-

сать о войне надо сейчас, а не ждать, как Ремарк, восемь лет. Спрашивают, чем я занимался во время войны. Я был военным корреспондентом, приходилось и в боях бывать. Как я отношусь к Есенину? Он очень талантливый поэт. Автор записки спрашивает, как я отношусь к Григорию Мелехову. И если бы состоялся суд над ним, помиловал ли я его. Он бы его помиловал... Я бы, наверное, тоже помиловал. Знал ли я об отзыве Сталина о втором томе «Тихого Дона», и действительно ли Горький помогал мне в публикации третьей книги романа? Да, Горький мне крепко тогда помог. Я рассказал Горькому о трудностях с публикацией третьей книги. Горький позвонил Сталину, попросил приехать его к нему на дачу. Через час Сталин был у него. Я рассказал Сталину, что мою книгу читали человек шесть и каждый настаивал, чтобы я резал книгу. Я сказал, что если буду слушаться всех, то от книги останутся рожки да ножки. Потом Горький высказался за то, что ничего переделывать не надо. Сталин тогда же и сказал, что я слишком объективно показываю Корнилова, вроде как бы с сочувствием. Субъективно, как человек своей касты, он был храбрым генералом. Он был честным человеком. Так объяснил я свою позицию. Сталин не согласился: раз человек шел против народа, значит, он не мог быть честным. Произошел легкий спор. И только совсем недавно, когда вышел двенадцатый том сочинений Сталина, я узнал поточнее его мнение. Все-таки в то время я очень волновался: решалась судьба книги. Я написал тогда Сталину письмо,

просил сообщить, в чем же я ошибся. На это письмо я не получил ответа.

Шолохов взял следующую записку:

– «Нравится ли вам «Золотая роза»?» В общем хорошая книга. Почему я не отношу Эренбурга к своим друзьям? Я считаю его «Оттепель» клеветнической, клеветой на русский народ. Какими языками я владею? Я владею только русским и считаю, что недостаточно хорошо. «Не боитесь ли, что испортят «Тихий Дон» в кино?» А вы знаете, я и сам побаиваюсь... Не то, что испортят, а то, что выйдет плохой фильм. «Кто на вас влиял из классиков?» И второй вопрос: «Как вы пишете?» Пишу и то, что видел, и то, что знаю, а сейчас, кажется, пора и архивными материалами пользоваться. А кто влиял? Очень многие влияли. Не перечислить всех. Толстой... Может, Чехов, хотя манера письма у нас различная...

Долго еще не отпускали офицеры и слушатели академии любимого писателя. Но всему приходит конец. Председательствующий встал, сгреб со стола кучу записок и сказал:

– Товарищи! Вопросов еще очень много... А времени у Михаила Александровича до поезда осталось мало. Давайте его отпустим, а записки сейчас я передам ему. Может, пригодятся.

Эта встреча осталась у меня в памяти навсегда. И дело сейчас даже не в ответах и вопросах, а в той простой, доверительной, душевной обстановке, которая сразу установи-

лась между Шолоховым и аудиторией. Поражала его откровенность и простота. Он не скрывал своих симпатий и антипатий, хотя наверняка знал, что даже эта прекрасная аудитория неоднородна в своих оценках. Эта встреча укрепила меня в каких-то мыслях, дала толчок новым. А главное, я понял, что тот добивается хоть каких-то творческих успехов, кто не отступает от своих убеждений, кто твердо стоит на своем, какие бы препятствия ни возникали на его пути. Ведь Шолохову предлагали выбросить некоторые эпизоды из романа, и он пошел бы «зеленой улицей». А Шолохов не согласился, добился встречи со Сталиным, произошел и между ними серьезный разговор, но и ему, Сталину, он ни в чем не уступил. Вот в этом, видимо, и заключается разница между гением и талантом. Гений не приспособливается к мнениям власть имущих... На многие волновавшие меня тогда вопросы ответил Шолохов на этой встрече.

Между тем по-прежнему выходили статьи, монографии, сборники статей, в которых отчетливо говорилось, что Григорий Мелехов – отрицательный герой и что сам Шолохов резко отрицательно относится к нему, творит над ним беспощадный суд, карает его за все грехи и ошибки. Ничего человеческого не осталось в душе Григория Мелехова – вот итог его преступного пути. Мысль, пронизывавшая исследования о «Тихом Доне», заключалась в том, что Григорий Мелехов, находясь во враждебном советской власти лагере, утрачивал свои положительные качества, постепенно превращался

в жалкое и страшное подобие человека. Великое достоинство романа в том, что сам автор «развенчивает», «карает», «осуждает» своего героя, беспощадно раскрывая его духовную пустоту, моральное и физическое вырождение.

Особенно активен и заметен был Л.Г. Якименко, упорно и настойчиво доказывавший, что «неверный, ошибочный путь Григория в революции, приведший его к разрыву с народом, путь утрат многих прекрасных человеческих свойств и качеств», что «страшный конец Григория Мелехова, нравственное и физическое вырождение – закономерное завершение судьбы таких людей», что «с последних страниц романа глядит на нас трагический образ морально сломленного, нравственно опустошенного человека, жалкое и страшное подобие человека», что «борьба против народа приводит к нравственному опустошению – гибели человеческого в человеке», приводит к тому, что «Григорий как бы отбивался от людей, становился нечеловеком».

Неужто Шолохов согласен с этим вульгаризаторским бредом? Эти мысли не раз возникали у меня в то время...

Я прочитал все его интервью, речи, статьи, но ни в одной из них автор «Тихого Дона» не высказал своего отношения к критике своих сочинений, уж слишком скупом ронял он слова о своем творчестве, никак, в сущности, не реагируя на изыскания литературоведов и критиков. Так захотелось встретиться с ним, порасспросить его, поделиться своими мыслями, сомнениями, наблюдениями. И я написал

тогда Шолохову громаднейшее письмо, в котором высказал все, что накопилось в душе и что так волновало меня все эти полтора года работы над диссертацией «Человек и народ в романах М.А. Шолохова». Возможно, письмо сохранилось, но ответа я так и не дождался...

В мае 1956 года, после столь удачной встречи с Шолоховым в Академии бронетанковых войск, я уложил в чемодан все свои заметки, выписки из статей, газетных и журнальных, книги, две пачки бумаги, а в рюкзак – несколько килограммов крупы, сухой колбасы и еще кое-что из продуктов и отправился в деревню Плешкино к тетушке Арише, сестре моего отца, писать диссертацию: 15 октября заканчивался трехлетний срок моей аспирантуры.

Мне создали самые благоприятные условия, какие только и могли предоставить сельские жители: на чердаке поставили стол у самого окошка, крепко сколоченную дядей Ваней табуретку, а только что скошенная трава, покрытая плотной дерюжкой, стала моим ложем на несколько месяцев беспрепятственной работы.

Вставал, казалось, рано, но тетя Ариша уже подоила корову, процедила молоко и приготовила мне целую кружку парного молока. Я выпивал и снова поднимался к себе на чердак. Часа через три завтракал и снова работал.

Иной раз дядя Ваня брал меня в лес косить траву. На колхозной земле косить строго воспрещалось, и мы искали по-

ляны и выкашивали, сушили, складывали в стожок, а потом дядя Ваня вывозил... Как он находил свои стожки – это так и осталось для меня тайной. Суровый, молчаливый, он так и не сошелся с колхозной жизнью, резко критиковал современный уклад ее.

– Дядя Ваня, – как-то спросил я его, – а почему вы уехали из Хавертова? Чем тут-то лучше...

– А ты спроси своего отца! Почему он еще раньше меня сбежал в Москву! Почему ваши соседи по деревне Шалуповы все разбежались, кто в Москву, кто в подмосковные деревни... Да и многие наши, хавертовские, покинули родные места в поисках лучшей доли.

– Отец рассказывал, что не мог прокормить в деревне большую семью, продали корову, чтобы заплатить налоги, а без коровы какая же в деревне жизнь, тем более с детьми мал мала меньше...

– Вот и кумекай, почему крестьянин оказался неспособным прокормить свою семью. Раньше мог, после революции, а особенно после коллективизации оказался немощным... Ты еще молод, ничего в жизни не испытал, все учишься, а теперь все пишешь и пишешь, потом бежишь на речку, опять пишешь, потом бежишь на вечеринку, к девкам, а с утра ты снова пишешь. А зачем? Ты сеешь слова, а взойдут ли они добрым знаком? Ты, как и я, – сеятель. Но только я сею отборное зерно и знаю, что оно взойдет добрым, полезным человеку, накормит страждущего, а чем накормишь-на-

поишь ты? Своими словами? А может быть, твои слова бо-
леют неправдой. Знаешь, что говорится в Библии? Ты, я за-
метил, пренебрегаешь самой мудрой книгой на земле. Здесь
все сказано, что надо знать человеку на земле, чтобы быть
честным перед самим собой и полезным другим людям. Сея-
тель слово сеет, вот что говорится в Библии, при каких усло-
виях оно произрастает в душе...

Я давно приглядывался к этой книге, раскрытой то на той,
то на другой странице, что свидетельствовало о каждоднев-
ном ее чтении. Я не раз брал ее в руки, перелистывал, лю-
буюсь иллюстрациями, но уж слишком назидательной каза-
лась она мне. Неверием была окутана моя молодая комсо-
мольская душа, с холодком я возвращал Библию на ее при-
вычное место.

После того разговора я нашел притчу о сеятеле и семени,
а прочитав, задумался: действительно, только доброе зерно,
упавшее на добрую землю, может дать плод, взошедший и
выросший, и принести «иное тридцать, иное шестьдесят и
иное сто».

За эти несколько прекрасных месяцев, проведенных в де-
ревне, разговоров было много, но то, что сейчас кажется су-
щественным, чаще всего я отвергал, спорил с ним, приво-
дил свои аргументы, иной раз вычитанные из книг и поста-
новлений ЦК КПСС и Совета министров. Почти шепотом он
рассказывал о жутких историях во время Гражданской вой-
ны и коллективизации, о массовых расстрелах непослушных

крестьян, просто так, без суда и следствия... Я знал об этих фактах из «Тихого Дона», из других книг, но все это происходило на мятежном Дону, на Кубани, в Сибири, но дядя Ваня говорил только о том, что происходило в нашей Рязани, в городе Михайлове, в селе Хавертове. Местах, где, как мне казалось, царили мир и тишина. Отец рассказывал, что во время коллективизации раскулачили одного лишь Саблина, сельские руководители позавидовали его огромному и чудесному саду, нужно было его взять в колхозную собственность, вот и решили раскулачить.

Как жалею я о том, что не записывал за ним, за дядей Ваней, его истории, он говорил таким ярким, свежим, чисто деревенским языком, полным особенных слов, выражений, поговорок, диалектизмов, особенно удачно он пользовался церковнославянизмами, взятыми из Библии. А ведь жив был еще дед Кузьма, его отец, изредка выходивший из своего чулана; только сейчас понимаю, что он был ровесником Бунина и Шаляпина и мог о многом рассказать из той, давно прошедшей жизни... Но вот не сообразил по молодости и увлеченности книжными премудростями...

В августе 1956 года я завершил работу над диссертацией, которая и легла в основу всех моих работ о творчестве Шолохова. С удовольствием перелистывал пухлый том, особенно те страницы, где с дерзкой беззаботностью критиковал своих предшественников, называвших моего любимого героя Григория Мелехова «бандитом» и «преступником». По-

жалуй, впервые я испытал истинную радость от работы, я уже предвкушал удовлетворение от победы над признанными авторитетами, писателями, критиками, учеными, утверждавшими всякую чушь... Это был настоящий праздник души... Счастье быть самим собой. Я и не думал, как мало моих коллег испытывали такое же счастье, когда они приносили свои рукописи в журналы и издательства, а их редактировали так, что авторы чуть ли не плакали от несчастья, увидев изуродованное.

В начале сентября я сдал рукопись на перепечатку за университетский счет, воспользовался привилегией, предоставленной тем аспирантам, которые свои работы представляют досрочно.

И в эти дни стало известно, что необходимы публикации по теме диссертации, слишком много халтурных диссертаций защищалось, особенно в провинциях. Публикация – это контроль за качеством научных работ. Очень правильное постановление, с этим у меня не будет особых проблем, самоуверенно подумалось в то время... Перепечатанную на машинке диссертацию я передал А.И. Метченко.

И, как читатель помнит, в это время ко мне заявился Боря Бугров и предложил выступить с докладом «О художественном методе».

И выступил...

4. Безнадежные будни

А потом наступили будни, томительные, безрадостные, безнадежные. Вскоре, правда, инспектор деканата Талина Тимофеевна, замечательная, добрая, чуткая и внимательная, порекомендовала мне пойти на курсы для поступления в университет, по ее рекомендации меня приняли, стал преподавать русский язык и литературу. Видимо, что-то несерьезное было в моем преподавании, потому что в сочинениях на школьные темы все чаще стали объясняться мне в любви, а одна сочинительница написала целую поэму по этому поводу. Чтобы хоть чуточку развлечь своих читателей, процитирую эту «поэму»:

В.В. Петелицу

Ты вновь со мной, любви виденье?

Из тьмы и сумрака забвенья

Былым мечтам возврата нет.

Так что же это? – Дай ответ,

О муза жизни, дай мне право

Любить, как прежде, и страдать,

Смеяться нежно и лукаво —

Не смехом души сотрясать;

Забыть о многом и простить,

Не презирать иных друзей,

В груди не пламя мне носить,

А пепл остывший прежних дней.
Тяжелым бременем сомненья
Ложатся на кипящий ум,
И нет мне, муза, избавленья,
Я вся во власти грустных дум.
В конце концов, веселье славы
И праздной жизни мишура,
Обычай пустые, нравы,
Чем так богата старина,
В них нет, о муза, просветленья,
Оно лишь там, где есть любовь,
А где любовь – там вдохновенье
И радость жизни вспыхнет вновь.
Любовь поэзии создание,
Цветок небесной красоты,
Она прекрасна, но страданье
Уносит дивные мечты.

* * *

Ты был мне трелью соловья
И звонкой песней лебедей,
Журчаньем милого ручья
И чистым воздухом полей.
Ты в жаркий день служил прохладой,
В ненастье сердце согревал.
Об этом ты и не мечтал?
Ведь правда, – и не надо;
Во мраке был ты ярким светом,
Любимым был моим всегда;
Но ты об этом,

Нет, не узнаешь никогда.
Хотя, быть может, и узнаешь,
Поймешь, что любят только раз.
Вот ты теперь уже страдаешь.
Скажи, ошиблась я сейчас?
И не смотри с таким укором,
Тебя люблю я, милый, верь!
Сейчас ты понял, что не скоро
Уйдешь, захлопнув счастьем дверь.
Прости стихов несвязных бред
И скромных слов простые звуки,
Ты помнишь, много лет назад
Отелло был любим за муки.
Пройдут года, и вспомни ты
Слова безвестного поэта,
Его любовь, мечты,
Письмо, не получившее ответа.
Когда печаль тебя коснется
Своей безжалостной рукой,
Его ты вспомни, – пронесется
Печаль, любимый, над тобой.
Слеза вдруг взор твой затуманит
И скроет солнца ясный свет,
Ты вспомни, милый, что страдает
С тобой таинственный поэт.
Меня ты видишь иногда —
Грустна, насмешлива, горда.
К тебе я редко подхожу,
Любуюсь издали тобой.

Ты не пугайся, но скажу —
Характер у меня – плохой.
Ну вот и все. Прощай, мой милый,
Прости за все и не грусти.
Ты был мелодией любимой
И за сравнение прости.

Признаюсь, читая эти анонимные сочинения, выглядел я глуповато, в этом случае пользовался юмором, но юмор не помогал... Хотя банальность «поэмы» была очевидной...

Однажды в жаркий летний день я играл в настольный теннис у нас во дворе. Ко мне подошла моя «студентка», высокая, не очень-то симпатичная, и представилась – это она написала «поэму». Мы отошли от стола и уселись у кустов сирени прямо на земле. Она еще раз, уже в прозе, объяснила мне, что такое любовь. Но к этому времени я тоже знал, что такое любовь... Что-то бессвязное я бормотал в ответ... Так на этом и разошлись наши дороги.

А главное – после размолвки со своим научным руководителем я был, повторяю, предоставлен самому себе... Искромсав главы о «Тихом Доне», с помощью клея и ножниц, вставляя кое-где связующие фразочки, я подготовил и отдал на машинку свою первую статью «Трагическое в «Тихом Доне» М. Шолохова». Ну, думаю, держитесь, не сомневался, что статью напечатают... Где я только не был: в «Новом мире», в «Знамени», «Дружбе народов», в «Литературной га-

зете», потом отослал статью в журнал «Русская литература», потом в «Дон»... В «Литературной газете» (главный редактор Всеволод Кочетов) меня принял Валерий Друзин, наговорил комплиментов, да и на полях статьи были одобряющие слова и знаки, но – редакция может снова вернуться к рассмотрению статьи после серьезной творческой доработки: во-первых, сократить, во-вторых, осудить Григория Мелехова за его борьбу против советской власти, ведь сам Шолохов осуждает его, отнимая у него честь, совесть, превращая его в жалкое и страшное подобие человека, а из вашей статьи получается, что Шолохов любит своего героя, сочувствует ему, сострадает ему и мучается вместе с ним... Таков был отовсюду ответ на мои предложения.

Стал бывать на писательских собраниях, и кто-то, не помню, познакомил меня с Федором Абрамовым, доцентом Ленинградского университета, но уже написавшим свой первый роман «Братья и сестры». Он-то и порекомендовал мне обратиться к Александру Григорьевичу Дементьеву, тоже доценту Ленинградского университета, только что назначенному главным редактором журнала «Вопросы литературы», дескать, ему сейчас нужны острые статьи, чтобы привлечь внимание к новому журналу.

Действительно, А.Г. Дементьев по-доброму принял меня, быстро прочитал мою статью. Сделал ряд существенных замечаний о литературном качестве статьи, о композиции, о том, чтобы смягчить полемику, Григорий Мелехов и у него

был отрицательным... Кое-что из его замечаний я принял, еще раз прошелся по статье, устраняя недостатки. Вновь редактор быстро прочитал, вновь сделал замечания, ему очень хотелось эту статью опубликовать в одном из первых номеров журнала за 1957 год. Вновь я кое-что переделал, смягчил, улучшил, но основной пафос статьи, естественно, остался прежним. Мне и в голову не приходило, что редактор добивается от меня принципиальных изменений и в отношении донского казачества, и в отношении Григория Мелехова...

Прочитав третий вариант статьи, он наконец не выдержал и воскликнул, обращаясь к своим сотрудникам (вся редакция занимала тогда две или три комнатенки):

– Ну что мне с ним делать?! Третий раз приносит мне все ту же статью. Григорий Мелехов у него оказывается чуть ли не самым положительным героем русской литературы, а донское казачество сохраняет у него все положительные качества русского народа. Ну сколько же мне повторять вам, что Шолохов осуждает Григория Мелехова за все его кровавые дела против советской власти?..

Действительно, три раза читал мою статью главный редактор «Вопросов литературы», но так и не удалось мне убедить его в том, что мой взгляд на «Тихий Дон» коренным образом отличается от взгляда моих предшественников и от его собственного только потому, что я не был еще заражен микробами вульгарного социологизма, что я по своей молодости

и наивности воспринимал любую книгу с юношеской доверчивостью, не подгоняя ее к тем или иным теориям, а воспринимая просто и безоглядно, как отражение самой жизни. Ничего не получилось у меня из этих визитов в журналы.

Тут впервые, кажется, за мои двадцать шесть лет я затосковал. Как же так? С отличием окончил филологический факультет Московского университета, аспирантуру, написал диссертацию, мои родители, сестры и братья, родной и двоюродный, ждут от меня успешной литературной карьеры, а ничего не получается – не печатают... Двоюродный брат мой Василий Сергеевич Петелин рассказал о моих мытарствах своему «хозяину», служившему Чрезвычайным и Полномочным Послом в одной из крупных капстран, тот проникся и дал телефон своего друга Д. Поликарпова, заведовавшего в то время Отделом культуры ЦК КПСС. Позвонил, сославшись на имя Чрезвычайного и Полномочного Посла, был принят, передал Поликарпову три статьи о Шолохове. В другой раз он душевно похвалил мои статьи о Шолохове, тут же решил «Трагическое в «Тихом Доне» вновь отправить в «Вопросы литературы», а две статьи – в журнал «Дон». Ну, думаю, слава богу, кончаются мои «хождения по мукам». И действительно, вскоре пришло из «Дона» письмо, полное оптимистических ноток: дескать, статьи ваши получили, будем печатать сначала одну, потом, через полгода, другую. И – глухое молчание. Наконец – толстый конверт из «Дона» с одной из моих статей и письмо: «Редакция не может согласить-

ся с Вашей характеристикой Григория Мелехова, особенно с теми местами, где Вы говорите о пребывании Григория в банде Фомина. Неверными, на наш взгляд, являются у Вас сравнения Нагульнова и Григория, трактовка подсознательного у Григория Мелехова, трактовка экспедиции Подтелкова. Здесь, в частности, сказалась ошибка автора, на которую в свое время было указано Шолохову...» Коренным образом предлагалось автору переработать статью. Таким же образом редакция «Дона» отфутболила и мою вторую статью. И тут же, словно они сговорились, я получил ответ из журнала «Вопросы литературы», подписанный А. Дементьевым и М. Кузнецовым. Это любопытный документ того времени, а потому я его процитирую:

«Это уже третий вариант статьи, представляемой автором в редакцию журнала «Вопросы литературы». В. Петелин внес некоторые изменения по сравнению с предшествующими вариантами. В статье есть отдельные, заслуживающие внимания наблюдения над образом Григория Мелехова. Однако с общей концепцией автора по-прежнему невозможно согласиться. Укажем лишь на наиболее существенные пункты.

Стремясь, что называется, любой ценой реабилитировать Григория Мелехова, которого, по мнению В. Петелина, неверно оценивают многие литературоведы, автор данной статьи дает неверную, одностороннюю трактовку истории Гражданской войны и самого романа М. Шолохова. Так,

первая часть статьи, в сущности, посвящена не литературному, а чисто историческому вопросу – выяснению причин, вызвавших восстание казачества против советской власти. Это, по сути, исторический трактат, которому место, скорее, в историческом журнале. Но трактат весьма и весьма сомнительный. В. Петелин совершенно отвергает мысль о том, что контрреволюционное восстание казачества вызвано агитацией враждебной советской власти верхушки казачества. Для подкрепления своих положений он приводит слова Ленина: «Нет ничего смехотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо партией, отдельной личностью». Однако Ленин говорит о «пожаре революции», а у Петелина речь идет о вспышке контрреволюции – разве справедливо ставить знак равенства между этими совершенно различными явлениями? Думаем, что нет, несправедливо, наоборот, грубо ошибочно. Далее, в полном разрыве с историческими фактами В. Петелин пишет: «Казак... активно поддержит свержение царя», «Казачество участвует в свержении монархии, в свержении Временного правительства». Не говоря о множестве других фактов, сошлемся лишь на один – самый общеизвестный: Керенский, пытаясь вернуть власть, ведет наступление на Петроград именно казачьими частями, а казачье правительство в Новочеркасске приглашает в это время Временное правительство приехать на Дон... Казачья специфика, по В. Петелину, до революции состоит в том, что

здесь «изнурительный труд хлебороба сочетается с воинскими упражнениями». Это подавление революционных рабочих и крестьян именуется воинскими упражнениями?

Все это не случайные описки, а звенья одной цепи. И хотя автор пишет, что «вешенское восстание возникло в результате органического переплетения исторических, экономических, социальных, политических условий», но фактически причина восстания у В. Петелина одна – плохая советская власть. Даже Подтелков у В. Петелина из героя Гражданской войны превращается в отрицательную фигуру, человека, которого испортила советская власть. Получается весьма любопытно: верхушка казачества своей контрреволюционной агитацией не может вызвать восстание, но вот «верхушка» из плохих комиссаров – вызывает его...

Весь «исторический трактат» вольно или невольно сводится к ложному утверждению – казачество потому пришло к контрреволюции, что была плоха советская власть.

С этой же точки зрения рассматривается и Григорий Мелехов. Оказывается, он пламенный революционер, а вот коммунисты только и делают, что нарушают революционные идеалы. Григорий и землю хочет отдать мужикам, Григорий – страстный борец за уравнительность, а в Красной Армии бойцы ходят в обмотках, в то время как комиссары одеты в кожу с головы до ног... И Кошевой, Штокман, Котляров не понимают настоящей революционности Григория, тогда последнему ничего не остается, как восстать. Григорий всяче-

ски идеализируется, вся его вина перед революционным народом снимается, он, в сущности, только жертва коммунистов... Повторяем, В. Петелин высказал ряд справедливых и свежих суждений по поводу образа Григория, но общая концепция автора статьи не может быть принята... Общий вывод – статью помещать в журнале «Вопросы литературы» не следует».

А. Дементьев и М. Кузнецов направили свой ответ Д.А. Поликарпову, а мне – копию. После этого стало ясно, что круг замкнулся: никто в ЦК статью читать не будет, никто так и не узнает, что этот ответ «Вопросов литературы» полон умышленных передержек, умолчаний, демагогии и вульгарного пустозвонства. Так что первое мое посещение ЦК КПСС окончилось драматически. Об этом я и рассказал Василию Сергеевичу Петелину, который не меньше меня был огорчен неудачей.

Прошло почти полтора года со дня моего выступления «О художественном методе». Что-то новое и глубинное происходило в нашем государстве, неотвратимо шли перемены в жизни общества, в сознании народа, перемены коснулись и жизни ученых факультета, где я порой бывал... Наконец А.И. Метченко ответил на мое приветствие, а через какое-то время пригласил через секретаршу к себе на прием:

– Теперь можно говорить о русском национальном характере, готовьте по диссертации статьи, напечатаем в наших научных журналах, одну – о «Тихом Доне», другую – о «Под-

нятой целине», а первую главу диссертации, где вы говорите о литературно-эстетических взглядах Шолохова, нужно серьезно доработать, слишком много цитат Канта, Гегеля, Шопенгауэра, даже Ницше приглашаете в свои консультанты, начитались, постоянно демонстрируете свою эрудицию, много лишнего, экономнее будьте, внимательнее следите за ссылкой, кое-где нет инициалов, года издания...

К этому времени все мои статьи, разосланные по журналам, вернулись ко мне, и я передал их А.И. Метченко. Пришлось по его замечаниям еще раз сократить статью «Трагическое в «Тихом Доне», и под названием «Два Григория Мелехова» она вышла в журнале «Научные доклады высшей школы». Печатаю ее здесь как свидетельство времени, именно здесь сформулированы принципиальные проблемы и положения, вокруг которых возникла острейшая дискуссия, продолжавшаяся многие годы...

5. Два Григория Мелехова

Всякая личность есть истина в большем или меньшем объеме, а истина требует исследования спокойного и беспристрастного, требует, чтоб к ее исследованию приступали с уважением к ней, по крайней мере, без принятого заранее решения найти ее ложью.

В. Белинский. Т. 3. С. 374

«Тихий Дон» – одно из самых любимых произведений советского народа. М. Шолохов в своем эпическом романе глубоко правдиво нарисовал сложнейшую картину революционных преобразований в нашей стране. Целая эпоха с ее социальными и психологическими конфликтами и противоречиями получила свое яркое и художественное воспроизведение на страницах этого романа.

Среди разнообразнейших человеческих судеб, раскрытых в «Тихом Доне», внимание читателей привлекает к себе незаурядная личность Григория Мелехова, его сложная противоречивая жизнь, его трагическая судьба. Как живой, встает Григорий, со своим индивидуальным темпераментом, со своим, только ему присущим, характером, со всеми его сильными и слабыми чертами. С неослабевающим вниманием следим мы за судьбой героя, испытываем чувство симпатии, сострадания, горечи, сожаления. При всех ошибках,

совершаемых им, при всех его противоречиях в нем даже в самые критические моменты не иссякают душевные качества, вызывающие наше сочувствие: честность, искренность, мужество, правдивость и прямота. Такова уж сила художественного слова: гениальный писатель целиком и полностью завладевает сердцем читателя и заставляет любить того, кого сам любит, ненавидеть того, кого сам ненавидит, сочувствовать тому, кому сам сочувствует.

Но стоит познакомиться с истолкованием образа Григория Мелехова в критической литературе о «Тихом Доне», как сразу же возникает вопрос: да тот ли это Григорий, о котором мы только что читали в романе М. Шолохова? Со страниц книг и статей, посвященных «Тихому Дону», встает совсем другой образ Григория Мелехова, мало соответствующий тому, который изображен Шолоховым. Только по фактам внешней биографии и цитатам из романа можно догадаться, что разговор в них идет о Григории Мелехове из «Тихого Дона». Однако этот второй Григорий Мелехов, сконструированный критиками, предстает перед нами как персонаж, в котором преобладают отрицательные черты. И чтобы развенчать его, автор «Тихого Дона», по уверению критиков, придумывает «семь кругов Дантова ада» (*Лежнев И. М. Шолохов. 1948. С. 164*), казнит, карает его.

Прежде всего следует обратить внимание на те средства и приемы, с помощью которых некоторые критики и исследователи доказывают этот тезис. Так, утверждая, что Григо-

рий Мелехов «жалок, как только может быть жалок и презрен отверженный людьми братоубийца» (Там же. С. 167), И. Лежнев ссылается на текст романа, где глазами Аксиньи дается развернутый портрет Григория. После долгой разлуки они снова вместе. Аксинья смотрит на заснувшего Григория. «Он спал, слегка приоткрыв губы, мерно дыша... Опустив глаза, она мельком взглянула на его большие узловатые руки и почему-то вздохнула». Прочитывая этот отрывок целиком, И. Лежнев делает вывод: «Глаза любимой и есть зеркало души. Шолоховское описание жестокого лица и страшных узловатых рук Григория... говорит: это – облик убийцы» (*Лежнев И.* Указ. соч. С. 160. Здесь и в дальнейшем М. Шолохов цитируется по изданию: *Шолохов М.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1957). Соответствует ли этот вывод тексту романа? Нет, Аксинья заметила «что-то суровое, почти жестокое в чертах его лица, взглянула на его большие узловатые руки».

Автор монографии о «Тихом Доне» идет дальше. Анализируя портрет Григория, данный в романе через восприятие молодой казачки-подводчицы, исследователь приходит к выводу, что увиденный ее глазами Григорий Мелехов «будит жалость, щемяще-тоскливые предчувствия» (*Якименко Л.* «Тихий Дон» М. Шолохова. М., 1954. С. 134). Однако вторая часть размышлений казачки опровергает данный вывод. «Глаза у него твердые. Нет, хороший казак, только вот чудной какой-то» (Т. 5. С. 356).

Таким способом обрабатывают текст романа и другие исследователи. Правильно ли это?

В «Тихом Доне» М. Шолохов рассказывает о донском казачестве, о жесточайшей классовой борьбе на Дону, о трудных и сложных поисках основной массой казачества правильной дороги к союзу с рабочим классом. Многие были неясны трудовому казачеству. Это и предопределило такие жизненные ситуации, когда часть трудового казачества приняла участие в контрреволюции. Столкновение между революционным народом и частью трудового крестьянства, которая оказалась во враждебном пролетарской революции лагере, носило трагический характер. При этом трагическая ситуация возникала только в тот момент, когда трудящиеся, оказавшиеся в контрреволюционном лагере, начинали понимать ошибочность своего пути, искать выход из создавшегося положения, мучаясь и страдая от неумения найти правильный выход. Но и эта часть трудового народа, осознав свои ошибки, приходит впоследствии к союзу с рабочим классом, с пролетарской революцией. Именно в таком смысле понимает трагический конфликт и сам М.А. Шолохов. Вспоминая о событиях гражданской войны на Дону, М. Шолохов в 1956 г. говорил, что «помимо отъявленных контрреволюционеров, там были и люди, случайно, вслепую прикнувшие к белогвардейскому движению, но впоследствии большинство из них осознало свои ошибки и стало актив-

ными строителями социализма» (Правда. 1956. 27 декабря). «Драматизм положения» писатель видит в том, что многие из совершивших ошибку не видели выход из создавшегося положения.

В период революции и гражданской войны, когда история человечества проделывала «один из самых великих, самых трудных поворотов», «когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неопикуемых муках рождается новое» (*Ленин В.И. Соч. Т. 27. С. 133*), когда многомиллионная масса крестьянства поднялась к «самостоятельной политической жизни» (Там же. С. 162), когда «новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ошупью, обилие ошибок» (Там же. С. 243), в этот период колебание мелкобуржуазных слоев – явление вполне естественное, вполне закономерное, и ожидать, что революция «обойдется без колеблющихся – это было бы совершенно противоестественно, это значило бы совершенно не считаться с классовым характером переворота» (Там же. С. 252).

Характеризуя движение народных масс, В.И. Ленин постоянно отмечает самостоятельность их действий. Октябрьская революция пробудила в народе стремление активно участвовать в политической жизни и самостоятельно решать общественные вопросы. И при своей «удивительной доверчивости и бессознательности» (Там же. Т. 25. С. 274) мелкобуржуазная или полумелкобуржуазная масса без собствен-

ного практического опыта, позволяющего сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата, не может решить сложнейший политический вопрос: «быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» (Там же. Т. 30. С. 243). В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что возникновение колебаний внутри крестьянства вполне возможно, и не только возможно, но что оно сплошь и рядом было в период гражданской войны.

В основе трагического конфликта в «Тихом Доне» лежит заблуждение части народа, что порождает трагическую ошибку Григория Мелехова, принявшего участие в Вешенском восстании. Но даже и тогда, когда Григорий Мелехов находится в лагере контрреволюции, его нельзя отождествлять с отъявленными контрреволюционерами. Вот почему четкое разграничение злостных врагов Советской власти и тех, кто случайно, вслепую примыкает к белогвардейскому движению на Дону, совершенно необходимо как принципиальный пункт в постановке и разрешении проблемы трагического в «Тихом Доне».

В.И. Ленин писал: «Средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся не одинакова с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом» (Там же. Т. 28. С. 171). А между тем в существующих исследованиях о «Тихом Доне» теряется грань, разделяющая Григория Мелехова с врагами Советской власти, что не могло не сказаться

на трактовке главного героя.

В критической литературе о «Тихом Доне» утвердилось мнение, согласно которому в образе Григория Мелехова М. Шолохов показал тех людей, которые, оторвавшись от народа, превратились в отщепенцев и которым отказывается в праве на новую жизнь при Советской власти. И. Лежнев писал, что «у Мелеховых будущего нет» (*Лежнев И.* Указ. соч. С. 160). Вслед за ним Л. Якименко делает такое предположение: Ему (т. е. Григорию Мелехову. – *В. П.*) не будет места в начинающейся новой жизни» (*Якименко Л.* Указ. соч. С. 77). С этим выводом связывается и анализ образа.

Мысль, пронизывающая исследования о «Тихом Доне», заключается в том, что Григорий Мелехов, находясь во враждебном Советской власти лагере, теряет свои положительные человеческие качества, постепенно превращается в жалкое и страшное подобие человека.

О «страшной душевной опустошенности», «страшной духовной деградации» (*Литературный критик.* 1940. № 2) Григория Мелехова пишет Гоффеншефер, о «жалкой слабости» (*Октябрь.* 1940. № 9) Григория Мелехова упоминает Чарный; «жалким, узким и своекорыстным эгоистом, думающим только о себе» (*Красная новь.* 1941. № 3), называет его Кирпотин и т. д.

«Неверный, ошибочный путь Григория в революции, приведший его к разрыву с народом, – путь утрат многих прекрасных человеческих свойств и качеств» (*Якименко Л.*

Указ. соч. С. 78), – констатирует Л. Якименко, добавляя при этом, что «с последних страниц романа глядит на нас... жалкое и страшное подобие человека» (Там же. С. 143), что «борьба против народа приводит... к гибели человеческого в человеке» (Там же. С. 144) и что «Григорий... становился не человеком» (Там же. С. 100).

В тон Л. Якименко пишет Л. Владимиров. Характеризуя Мелехова, Шолохов-де карает своего героя, отнимая «у него смелость, честность, силу молодости, веру в будущее», отнимая «его последнюю надежду и любовь – Аксинью» (Дон. 1955. № 2. С. 77). Но с таким же успехом можно сказать, что М. Шолохов карает не только Григория, но и Аксинью, Наталью, Пантелея Прокофьевича, Ильиничну и даже Полюшку – дочь Григория.

Крайнее заострение получила эта мысль в книге В. Гуры. «После того как Григорий вступил в новую полосу раздумий, его духовное падение углубляется. Разум, хладнокровие, расчетливость покидают его, один лишь звериный инстинкт, «дикое животное возбуждение» властно управляет его волей» (*Гура В. Жизнь и творчество М. Шолохова. М., 1955. С. 119-120*).

Называя путь Григория Мелехова путем утрат прекрасных человеческих качеств, Л. Якименко делает попытку раскрыть «причины бесславного конца этого когда-то сильного, талантливого, яркого человека». Уже к концу мировой войны «Григорий близко сходится с Чубатым». «Между ними

больше не возникает стычек и ссор. Влияние Чубатого сказалося на психике и характере Григория. «Пропала жалость по человеку», «очерствело, огрубело» сердце Григория. И мы вдруг совершенно отчетливо ощущаем ту ужасающую связь, которая существует между устоявшимся веками казачьим бытом и античеловеческой, вырожденческой философией Чубатого. **Семья Мелеховых, обстоятельства их жизни, Чубатый чем-то весьма существенным соприкоснулись в читательском восприятии.** И многое открывается нам в будущем Григория» (*Якименко Л. Указ. соч. С. 78*) (выделено мной. – *В. П.*).

Правда, в другом месте своей обширной книги Л. Якименко утверждает, что между Григорием и Чубатым никогда «не возникало чувства близости» (*Якименко Л. Указ. соч. С. 112*).

Однако весь пафос исследователя направлен к тому, чтобы доказать, что Григорий приходит к такому концу, к такому физическому и нравственному вырождению, когда человек перестает быть человеком. И такой путь приводит его к тому же результату, к которому несколько раньше пришли Чернецовы, Чубатые, Коршуновы: «Шолохов показывает полное отщепенство Чернецовых, Чубатых, Коршуновых... Они лишены права называться людьми». Та же оценка дается и Григорию Мелехову: «В банде Фомина продолжает Григорий борьбу против Советской власти. И это означает окончательное падение Мелехова. Он не только порвал

с народом, он оторвался от казачьей массы, стал отщепенцем» (с. 136).

Образ Григория Мелехова – сложнейший образ, и подогнать его под заранее придуманную схему, как это делалось до сих пор, нельзя. Рассматривая его как выражение сущности определенной социальной силы, ошибочно полагают, будто каждый поступок, каждое действие Григория точно соответствует его духовному содержанию, его внутренним побуждениям, что «цепь внутренних чувств, мыслей неразрывно связывается с внешним действием» (Там же. С. 93). Возможно, именно из этого отождествления внешнего и внутреннего в человеке и было сделано много неверных выводов относительно сущности образа Григория Мелехова. Оценивать личность по внешнему ее положению – таков основной принцип исследования образа Григория Мелехова. В соответствии с этим утвердился тезис, по которому следует, что изображение действия, событийная сторона произведения есть самая важная и определяющая суть художественного образа. Конечно, никто не собирается отрицать того, что через действия и поступки раскрывается характер человеческой личности. Но поступки, которые совершает герой, не всегда совпадают с его психологической определенностью, не всегда участие в том или ином событии определяет ценность человеческой личности.

В процессе ломки веками устоявшегося быта зачастую создаются такие необычные обстоятельства, в которых сущ-

ность человека раскрывается гораздо быстрее, правдивее и глубже, чем в привычной обстановке, где все уже давно сложилось и упрочилось.

М. Шолохов не случайно темой своего произведения избирает участие донского казачества в Октябрьской революции. Здесь, на Дону, очень трудно нащупывалась верная тропа, очень остро проявлялась неустойчивость мелкобуржуазной массы во время пролетарской революции. Сложность и противоречивость происходившего ставили рядового труженика в непривычные обстоятельства, когда чрезвычайно трудно было провести четкую грань между правдой и неправдой. При этом в «Тихом Доне» мы видим несоответствие внутренних движений, стремлений, помыслов Григория Мелехова внешним формам его поведения. М. Шолохов уделяет большое внимание отбору событий, ситуаций, развитию действия. Но главным для него является не внешний ход и смена событий, не жизненная ситуация, в которой оказывается герой, а внутреннее духовное содержание, зачастую противоречащее внешнему положению действующего лица. И ситуация имеет то значение, что она способствует выявлению этого резкого несоответствия между внешним положением и внутренним содержанием героя. Поэтому мы не можем судить Григория Мелехова исключительно по его действиям и поступкам, которые иногда возникали как отклонение от его первоначальных побуждений и стремлений в результате целого ряда случайных для него столкновений и

не предвиденных им обстоятельств. При возникновении таких ситуаций М. Шолохов тщательно мотивирует духовную эволюцию героя, раскрывает его мысли и чувства в процессе их возникновения и развития, изображает течение самого психического процесса, а не конечный его результат для того, чтобы показать необходимость и закономерность коренного изменения и во внешнем положении героя. (Вступление Григория в Первую Конную, побег из банды Фомина, возвращение в родной хутор из землянки дезертиров и т. д.)

Сила М. Шолохова как художника в том, что он, проникая в «святая святых» Григория Мелехова, за внешними фактами его жизни видел его душу, его внутренний мир, его мысли и чувства, его внутренние побуждения и стремления, которые иногда не совпадали с его положением и местом в ходе ожесточенных классовых битв. Вся жизнь Григория Мелехова проходит в сложных столкновениях и борьбе: она наполнена необычайными эпизодами, положениями. В его судьбе можно выделить два резко противоположных духовных состояния: первое, когда его внешнее положение соответствует его внутреннему содержанию, и это с неотразимой силой влечет его к действию, потому что он отчетливо осознает свое место, свое назначение в происходящих событиях; второе, когда его положение противоречит его внутренней убежденности, и не видя выхода из создавшегося положения, он становится безучастным к жизни, думает о смерти как единственной возможности разрешить это трагическое

несоответствие.

В дни мировой войны, когда каждому казаку была ясна его задача, «крепко берег Григорий казачью честь, ловил случай выказать беззаветную храбрость, рисковал, сумасбродничал» (Т. 3. С. 51). Ясность цели порождала активность его действия. С началом пролетарской революции начинаются колебания Григория Мелехова. Если в первые месяцы установления Советской власти на Дону Григорий сражается с белогвардейцами, участвует в съезде фронтовых казаков в станице Каменской, то через некоторое время ему хочется «отвернуться от всего бурлившего ненавистью, враждебного и непонятного мира»: «Там, позади, все было путано, противоречиво. Трудно нащупывалась верная тропа...» (Т. 3. С. 271).

И как раз тогда, когда у него «не было уверенности» – «по той ли, по которой надо, идет» он дороге, Григорий стремился отойти в сторону от кровопролитной борьбы, мечтал о труде хлебороба, хотелось «мира и тишины». «Сладка и густа, как хмелины, казалась ему в это время жизнь тут, в глушине» (Т. 3. С. 271). Вот почему Григорий так «внимательно и обрадованно оглядывал баз», как только приехал в родной хутор. Вот почему так тяжело и тягостно стало у Григория на душе, когда «началась... клочка» на Дону, которая снова неумолимо требует того или иного решения. Потому-то Григорий и сорвал на Валете «злость за свой нарушенный покой, за то волнение, которое пережил, услышав от Ивана

Алексеевича о вторжении в округ красногвардейских отрядов» (Т. 3. С. 333).

Ни Иван Алексеевич Котляров, ни Григорий Мелехов не пошли вместе с Валетом и Кошевым, хотя «правота была на стороне Валета и Кошевого, нужно было уходить, а не мяться» (Т. 3. С. 338).

Григорий Мелехов, как и многие другие казаки его хутора, принимает участие в пленении Подтелкова и его отряда. Ему в тягость эта борьба, потому что он сомневается, колеблется, в нем нет уверенности в правоте своего дела. В нем, как и в других казаках, «корились недовольство, усталость, озлобление» (Т. 4. С. 96), и это делало его равнодушным: «Участвуя в войне, Григорий равнодушно наблюдал за ее ходом» (Т. 4. С. 96).

Совсем другим предстает Григорий, когда начинается Вешенское восстание. Он активен, смел, находчив. От бывшего равнодушия не осталось и следа. И активен потому, что, как ему кажется, он нашел наконец-то верный и единственно справедливый путь: «Все было решено и взвешено в томительные дни... Будто и не было за его плечами дней поисков правды, шатаний, переходов и тяжелой внутренней борьбы» (Т. 4. С. 198). К этому времени, как думалось Григорию, найдена правда борьбы, и он целиком и полностью отдается во власть того чувства ненависти к красным, которое овладело им в самом начале восстания. И то, что особенно отчетливо сказалось в действиях Григория, характерно в большей

или меньшей степени для всей массы верхнедонского казачества. Вот почему в этот момент Григорий полон стремления претворить в жизнь свои мысли, которые кажутся ему справедливыми. Но справедливой начавшаяся борьба кажется ему потому, что мысли его вращаются только вокруг одних качеств и черт эпохи, подсказанных и накопленных им самим, только одна сторона выделяется в его сознании ярко и отчетливо: «Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда» (Т. 4. С. 198). И когда «на миг в нем ворохнулось противоречие: «Богатые с бедными, а не казаки с Русью», «он со злостью отмахнулся от этих мыслей».

Но от этих мыслей можно было отмахнуться только на первых порах. Стоило же появиться новым фактам, как мысль его снова начала мучительную работу. То, что было так естественно отвергнуто в начале восстания, захватывает его все более и более. На первый взгляд ему все казалось ясным, понятным: биться до конца с «фабричным людом», «рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю», но затем, по мере столкновения его с новыми явлениями, фактами, раскрывающими другие стороны реальной действительности, кажущаяся цельность его позиции постепенно расшатывается. Все его мысли и размышления сосредоточиваются около самого большого для него вопроса: «кто же прав?» И этот вопрос возникает снова перед ним только потому, что сама жизнь сталкивает его с новыми

ми фактами, ставит его в исключительные положения, когда ему приходится действовать не по привычке. Большое значение в романе имеет эпизод, когда Григорий допрашивает пленного хоперца. Сначала Григорий холоден, жесток, лицемерен, приказывает Прохору расстрелять казака, но тут же «проворно» выходит на крыльцо и приказывает отпустить и выписать пропуск. Отпустив хоперца, Григорий испытывает противоречивые чувства: «слегка досадно на чувство жалости» и «в то же время освежающе радостно». По мере развития сюжета романа Григорий все более и более убеждается в неправоте дела, в котором он принимает участие, все больше начинает задумываться над своим положением; и Шолохов переносит центр тяжести на внутренние переживания своего героя. Трагический конфликт начинается не с внешних столкновений: внутренняя борьба составляет главный интерес в трагическом герое. Столкновение двух противоречивых потоков в самой «душе» героя составляет потрясающую картину его внутреннего мира. Неразрешенное, саднящее противоречие, восставшее чувство неправоты своего дела прочно входят в его жизнь. Григорий начинает предчувствовать что-то недоброе, но у него нет еще определенных выводов. Потребуется столкновение с новыми фактами, людьми, чтобы он окончательно убедился в неправоте своего дела.

Важное значение в развитии сюжета и мотивировании внутреннего противоречия Григория Мелехова имеют, с од-

ной стороны, его разговор с гонцом станицы Алексеевской, а с другой – появление Георгидзе – подполковника белой армии – в штабе повстанцев. После этого в разговоре с Кудиновым Григорий высказывает свою заветную думку, которая надолго определяет его духовное состояние: «А у меня думка... – Григорий потемнел, насильственно улыбаясь. – А мне думается, что заблудились мы, когда на восстание пошли... Слыхал, что хоперец говорил?» (Т. 4. С. 249).

Уверенность в том, что, подняв восстание, казаки ошиблись, все более возрастает в душе Григория, он начинает осознавать неправоту своего дела и мучительно страдать, тяготясь своим положением в происходящих событиях. Григорий очутился в положении человека, которому не так давно казалось, что он шел по правильной дороге, и вдруг в результате нового жизненного опыта понявшего, что как раз именно эта-то дорога и является ошибочной. Думать, что нашел правду, которую так долго и мучительно искал, и вдруг понять, что правда лежит совсем на другом пути! Григорий понимает неправоту своего дела и глубоко страдает от невозможности примирить стремления своей души с неумолимым ходом реальной жизни.

Стоило Григорию понять противоречивость своего положения, как у него пропала всякая охота активного участия в борьбе. «В эти дни Григорий, уходя от черных мыслей, пытаясь заглушить сознание, не думал о том, что творилось вокруг и чему он был видным участником – начал пить» (Т.

4. С. 269). Это «создавало иллюзию подлинного веселья и заслоняло собой трезвую лютую действительность» (Т. 4. С. 270). Однако уже ничто не может отвлечь его от лютой действительности, сгладить обострившиеся противоречия. В бою под Климовкой он воочию убеждается, к чему ведет начатая им борьба – к уничтожению таких же, как и он, трудящихся: «Кого же рубил!.. Братцы, нет мне прощения!..» (Т. 4. С. 282-283).

Этот эпизод явился как бы заключительным актом в той внутренней драме, которая разыгралась в душе Григория, когда он начинает осознавать ошибочность своего пути.

После этого у него «сердце пришло в смятение»: он «захворал» «тоской», потому что, как признается он Наталье, «неправильный у жизни ход, и может, и я в этом виноватый... Зараз бы с красными надо замирился и – на кадетов. А как? Кто нас сведет с Советской властью? Как нашим обчим обидам счет произвести?» (Т. 4. С. 302).

Трагизм его положения в том, что, отвергнув свои старые убеждения, он ничего положительного вместо них не находит. Но как только Григорий понял, что восстание антинародно, он теряет к нему всякий интерес. Если раньше, когда ему казалось, что он стоит на правильном пути, он активно участвовал в контрреволюционном восстании, то сейчас, поняв свою ошибку, он становится равнодушным к исходу восстания: «Он не болел душой за исход восстания. Его это как-то не волновало» (Т. 4. С. 371). В этом отношении приме-

чателен эпизод, когда «впервые Григорий уклонился от прямого участия в сражении»: **«Странное равнодушие овладело им!** Нет, не поведет он казаков под пулеметный огонь. Незачем. Пусть идут в атаку офицерские штурмовые роты. Пусть они забирают Усть-Медведицкую... Не трусость, не боязнь смерти или бесцельных потерь руководили им в этот момент. Недавно он не щадил ни своей жизни, ни жизни вверенных его командованию казаков. А вот сейчас словно что-то сломалось... Еще никогда до этого не чувствовал он с такой предельной ясностью всю никчемность происходившего». И снова со всей беспощадностью встали перед ним прежние противоречия. «Нехай воюют. Погляжу со стороны. Как только возьмут у меня дивизию – буду проситься из строя в тыл» (Т. 4. С. 103 – 104) (выделено мною. – В. П.). Его сомнения, колебания, противоречия, страдания ослабляют его волю, его активность. В нем происходят глубокие психологические изменения. На этом процессе внутреннего преобразования и сосредоточивает свое внимание М. Шолохов: нельзя же понять человека, не поняв его внутреннего содержания, его мыслей, чувств и стремлений.

Начиная с этого эпизода, мы ни разу не видим Григория в бою с красными. Смерть Натальи, тиф, отступление в обозе, возвратный тиф – таковы жизненные вехи Григория до его вступления в Первую Конную. Он вместе с Прохором «мирно, по-стариковски» отступает: «То, что происходило на отодвигавшемся к югу фронте, его не интересовало» (Т. 5. С.

267). Он понимал, что война подходила к концу. И со всей очевидностью Григорий ощутил позорность этого конца для себя и всех трудящихся, принимавших участие в белогвардейском движении, тогда, когда он, снова заболевший тифом, слушал старинную донскую песню: «Над черной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа» (Т. 5. С. 279). Как личное горе переживает Григорий позорность этой бесславной войны, слушая песню. «Словно что-то оборвалось внутри Григория... Внезапно нахлынувшие рыдания потрясли его тело, спазма перехватила горло» (Т. 5. С. 278). Только после разгрома белой армии, докатившись до Новороссийска, большая часть казачества влилась в Красную Армию. Вступил и Григорий Мелехов. Здесь его духовное настроение коренным образом меняется. Он снова активен, храбр, энергичен. Практический опыт, который он приобрел в гражданской войне, привел его к ясному и твердому пониманию, что белогвардейцы ему «насолили достаточно» и враждебны трудовому человеку. Вот почему, находясь в Красной Армии, он «с таким усердием навернул» корниловского «полковничка», когда ему «довелось цокнуться в бою» с ним, что от него только «полголовы вместе с половиной фуражки осталось». Об этом рассказывает Прохору сам Григорий. Да и сам Прохор заметил изменения, происшедшие с Григорием. «Пере-

менился он, как в Красную Армию заступил, веселый из себя стал, гладкий как мерин» (Т. 5. С. 309). Это же было сразу видно, как только Григорий принимает решение никуда не уходить, а вступить в Красную Армию: «Поехали на квартиру, ребятки, держи за мной! – приказал повеселевший и как-то весь подобранный Григорий».

Возвращаясь из Красной Армии, он «с наслаждением мечтал о том, как... поедет в поле». Он мечтал о тихой, мирной жизни, и на все был готов, «лишь бы жить спокойно». Если раньше Григорий активно участвовал во всех крупных событиях своего времени, то сейчас он пытается совсем устраниваться от общественной жизни: и его «земля кликала к себе, звала неустанно день и ночь» (Т. 4. С. 293). Но первый же разговор с Кошевым убеждает его в том, что жизнь оказывается не такой уж простой, «какой она представлялась ему недавно. В глупой, ребячьей наивности он предполагал, что достаточно вернуться домой, сменить шинель на зипун, и все пойдет как по писаному: никто ему слова не скажет, никто не упрекнет, все устроится само собой, и будет он жить да поживать мирным хлеборобом и примерным семьянином. Нет, не так это просто выглядит на самом деле» (Т. 5. С. 374). И этот период жизни Григория в трактовке некоторых исследователей принял одностороннее толкование. Стремясь во что бы то ни стало доказать, что Григорий лишается положительных качеств своего характера, В. Гура писал о том, что «Григорий Мелехов страшится расплаты за свои преступле-

ния перед народом, теряет мужество, узнав о расстреле Платона Рябчикова» (Гура В. Указ. соч. С. 123). В. Гура упоминает при этом только о том, что он «содрогался от испуга и отвращения» к себе, идя на регистрацию в ЧК. Но это только одна сторона его чувств и мыслей, которая действительно могла бы представить Мелехова слабым и трусливым! Но Григорий Мелехов не таков. Когда он шел регистрироваться, ему встретился Фомин, который сказал, «что политбюро офицеров зачинает арестовывать», и посоветовал: «Лучше бы тебе, парень, смыться отсюда, да поживее». А между тем Григорий твердо решил никуда не уходить: «Поднимаясь по каменным ступенькам двухэтажного здания политбюро, он думал: «Кончать – так поскорее, нечего тянуть! Умел, Григорий, шкодить – умей и ответ держать!» (Т. 5. С. 384).

В переживаниях Григория наблюдается и страх, и испуг перед тюрьмой («Сроду не сидел и боюсь тюрьмы хуже смерти»), и отвращение к этому страху, которое сменяется твердым решением явиться в ЧК и держать ответ, а когда возвратился домой, то почувствовал досаду, презрение к самому себе за то, «что там, в Вешенской, струсил и не в силах был побороть охвативший его страх» (Т. 5. С. 368), и, рассказывая об этом Аксинье, он высмеивал себя и несколько преувеличивал «испытанные переживания» (Т. 5. С. 388). Вот почему он «презрительно, как о постороннем, сказал: – Жидковат оказался на расплату... Сробел».

Как было видно из тех признаний и размышлений Григо-

рия, которыми он делился с Кошевым, с Прохором, с самим собой, он вовсе не собирался принимать участие в выступлениях против Советской власти. А в банде Фомина он очутился случайно, в результате не предвиденного им стечения обстоятельств и временно находился в ней просто потому, что «деваться некуда». Такое накопление случайностей не противоречит трагическому. Вряд ли прав В. Ермилов, утверждая, будто накоплением случайностей М. Шолохов «как бы подчеркивает, что роман перестает развиваться как трагедия». Другое дело, его положение о том, что «трагический герой не имеет свободы выбора»: он может поступить только так, как поступает, потому что ему «деваться некуда», но В. Ермилов далек от истины, когда предполагает, что «Мелехов в восьмой части мог пройти регистрацию, мог и не пройти, мог оказаться в банде Фомина, а мог и не оказаться и т. д.» (Литературная газета. 1940. 11 августа). Такое решение вопроса о месте случайного в судьбе Григория Мелехова неверно, и прежде всего потому, что оно дает возможность рассматривать его судьбу как исключительную, но которая могла бы сложиться по-иному. Действительно, в судьбе Григория много случайностей, точно таких, какие часто бывают в жизни человека. Если бы их совсем не было, его судьба не казалась бы такой правдивой и убедительной. Как раз в тот момент, когда Григорий Мелехов вернулся из Первой Конной, начались антисоветские восстания. И это осложнило его положение: если бы не было восстаний, то не было бы

и столь строгого отношения к тем, кто участвовал в Вешенском мятеже. Не случайно поэтому, когда Прохор сообщил о восстании в Воронежской губернии, Григорий «помрачнел», «был явно встревожен», так как это действительно «плохая новость»: «Ежели и окружная власть обо мне такого мнения, как Кошевой, тогда мне тигулевки не миновать. По соседству восстание, а я бывший офицер да ишо повстанец...» (Т. 5. С. 378). Но эти события не случайны сами по себе: они выступают в романе как объективный фактор, независимый от намерений и стремлений героя, хотя его личная судьба, его действия и поступки определяются всецело объективным ходом событий. Таким образом устанавливается в романе органическая связь отдельной человеческой судьбы с объективными условиями общественного развития, зависимость ее личной судьбы от условий места и времени. Вот почему у М. Шолохова нет ни одного эпизода, в котором бы случайность представлялась как каприз истории или как причудливость судьбы. Случайность в романе – это стечение обстоятельств, неумолимо определяющих жизненный путь героя. И такая случайность не противоречит эстетике трагического. В самом деле, ведь Дуняшка случайно услышала, что Кошевой настаивал на немедленном аресте Григория, и тут же прибежала к нему, чтобы сообщить об этом. И Григорий успел избежать ареста. Прятался две недели, а во время перехода из одного убежища в другое на него случайно наткнулись бандиты и под конвоем отвели его к Фомину. А между тем яс-

но, что он не мог не столкнуться с бандитами, так как перед тем, как показать, что Григорий попадает в банду, М. Шолохов изображает бунт в Вешенской. Здесь случайность в жизни трагического героя осмыслена, подготовлена всем ходом развития исторических событий. Такие случайности находятся в противоречии с желаниями и стремлениями Григория, являются для него неожиданными и непредвиденными, но не перестают от этого быть закономерными и обусловленными всем ходом объективного исторического процесса.

Но некоторые исследователи стараются убедить читателя в том, что приход Григория в банду Фомина естествен и закономерен, что, находясь в банде, «Григорий Мелехов становится чужим казачьей массе» (*Якименко Л. Указ. соч. С. 140*).

Так ли это? Уже в самом начале своего пребывания в банде Григорий почувствовал брезгливость и презрение к бандитам, которое усиливалось и нарастало по мере знакомства с ними. Он сразу же начал думать об уходе из банды. Когда Капарин предложил ему «взять на себя командование», Григорий отказался: «Мне это не надо, я у вас короткий гость» (Т. 5. С. 435). Дела и судьбы людей, собравшихся в банде, не интересуют его. Он **чужой** в банде. Не случайно Фомин говорит ему: «Вижу тебя наскрозь! Все в холодок хоронишься? В тени хочешь остаться?» (Т. 5. С. 471).

Григорий полон презрения к тем, с кем временно находится вместе. Наблюдая известную сцену с юродивым Пашей,

«Григорий содрогнулся», «так омерзительно было все это», «поспешно отошел: «И вот с такими людьми связал я свою судьбу...» – подумал он, охваченный тоской, горечью и злобой на самого себя, на всю эту постылую жизнь...» (Т. 5. С. 475). И твердо решил: «Завтра же уеду. Пора!»

Григорий «давно видел, с каким настроением встречают их жители хуторов: «Они правильно рассуждают... всем мешаем мирно жить и работать» (Т. 5. С. 476). Глубокая тоска охватила Григория при виде пустого, словно вымершего хутора. Все напоминало ему о том, что пора кончать: и брошенная на проулке арба, и недотесанные доски, и дровосека во дворе с наспех воткнутым в нее топором, и опрокинутое ведро. Эта картина запустения, разрухи напоминала ему «такое же безлюдье и такие же следы поспешного бегства», как и тогда, «когда казачьи полки ходили по Восточной Пруссии. Теперь довелось ему увидеть это же в родном краю» (Т. 5. С. 477). И от этого «опять подступила к сердцу проклятая боль». Вот почему «Григорий затуманившимися глазами смотрел» «на поросший кучерявым подорожником двор, на крытую соломой хату с желтыми ставнями, на высокий колодезный журавль» (Т. 5. С. 477). Все это ему дорого и близко. Но он находился среди людей, которые мешают мирному течению народной жизни. Эти люди, с которыми он находился, глубоко чужды ему; кроме презрения, отвержения и брезгливости, он ничего к ним не испытывает. И только покинув этих людей, Григорий «вздыхнул облегчен-

но, полной грудью...» (Т. 5. С. 478).

Григорий и сам давно стремится к мирной жизни, к детям, к Аксинье. Его мысли и чувства совпадают с мыслями и чувствами казаков. И теперь ему кажется, что он близок к осуществлению своих давнишних мечтаний – уедет на Кубань с Аксиньей: «Никакой работой не погнушаюсь. Моим рукам работать надо, а не воевать. Вся душа у меня изболелась за эти месяцы...» (Т. 5. С. 480).

И только со смертью Аксиньи он, «мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни, – уже случилось» (Т. 5. С. 489).

Некоторые исследователи, цитируя то место романа, где говорится о его нравственном состоянии после смерти Аксиньи, приходят к выводу, что в финале романа раскрывается «духовная гибель» Григория (*Гура В.* Указ. соч. С. 124).

Со смертью Аксиньи рухнули все надежды и мечты Григория, и этот удар тяжело отозвался на его внутреннем содержании, временно вывел его из строя, придал его мироощущению пессимистический характер. Но из этого отнюдь не следует вывод об окончательной духовной его гибели.

Финал романа действительно трагический. Но если бы он был благополучным, если бы в конце концов нам стало ясно, что Григорий спасается от гибели и достигает того, к чему он стремился, т. е. к мирной работе землепашца, то «Тихий Дон», нисколько не потеряв своих высоких художественных качеств, тем не менее не производил бы такого траги-

ческого впечатления: в том случае, когда счастливый исход становится более или менее вероятным, трагическое исчезает в момент, когда наметился поворот к благополучию героя. Здесь же ничего подобного нет. Точно так же, как и нет никаких оснований предполагать пессимистический конец. Мы по-прежнему волнуемся, переживаем, сочувствуем Григорию Мелехову. Исход борьбы естествен и справедлив.

Чем же оканчиваются волнения, сомнения, колебания, заблуждения Григория Мелехова? Находят ли, наконец, люди типа Григория Мелехова правильную дорогу в жизни?

Отвечая на вопрос болгарских читателей, какова дальнейшая судьба людей типа Григория Мелехова, Шолохов сказал: «Люди типа Григория Мелехова к Советской власти шли очень извилистым путем. Некоторые из них пришли к окончательному разрыву с Советской властью. Большинство же сблизилось с Советской властью, принимало участие в строительстве и укреплении нашего государства, участвовало в Великой Отечественной войне, находясь в рядах Красной Армии» (Литературен фронт. София. 1951. 12 июля). Проследившая до конца судьбу Григория Мелехова, Шолохов показывает, что сложные и мучительные пути его жизни не вытравили из него благородных человеческих качеств – и это является как бы залогом того, что люди типа Григория Мелехова могут найти, и большая часть из них действительно нашла, свое место среди строителей Советского государства.

В.И. Ленин, характеризуя сущность крестьянина послево-

енного времени, писал: «Он пережил все эти шесть лет, мучительных и тяжелых, не даром. Он не похож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много перенес таких политических и экономических тягот, которые заставили его забыть многое старое. Мне думается, что он сам уже понимает, что по-старому жить нельзя, что надо жить по-иному» (*Ленин В.И. Соч. Т. 31. С. 473*).

М. Шолохов показал в образе Григория Мелехова тяжелые, мучительные переживания, раскрыл сложность и противоречивость размышлений и поступков единоличного крестьянина, понявшего в конце концов, «что по-старому жить нельзя». И такое изображение судьбы Григория дает возможность видеть типичность этого образа в соответствии общему ходу жизни на Дону – в том его глубина, характерность и содержательность.

А если это так, если судьба Григория показана не как исключительный случай, не как странная случайность, которой могло бы и не быть, но как типичное явление в сложнейший период революционных преобразований, то этим самым доказывается, что в ходе борьбы революционный народ, сплотившийся вокруг Коммунистической партии, побеждает не «отдельных выходцев», жизнь которых складывается трагически.

В том-то и дело, что не отдельные выходцы из народа, а некоторые слои трудового народа в силу своей неосознанности и отрыва от демократического движения времен-

но поддерживали своих эксплуататоров. В этом трагизм целых слоев народа, а не отдельных выходцев его. Но результат был везде одинаков: большинство из тех, кто поддерживал белых, поняли свою ошибку и пришли к непреклонному выводу, что интересы трудового народа отстаивает только Коммунистическая партия, рабочий класс.

Так и в романе «Тихий Дон». Мысли и чувства, поступки и действия Григория Мелехова наталкиваются на силу, которая в конце концов побеждает его, подчиняет его, и он скорее чувствует, чем осознает, что общенародная правда найдена революционным народом, разгромившим всех контрреволюционеров.

Вот почему трагическая развязка для героя необязательна в новых, социалистических условиях жизни. Впервые этот вопрос поставил В. Ермилов. По его мнению, не может быть трагической развязки «для тех, кто понял неправоту и никчемность борьбы с рабочим классом»: «По классическому учению, трагического героя неизбежно ждет трагическая развязка. В той же действительности, которая впервые дружественна человеку и его счастью, нет этой роковой неизбежности» (Ермилов В. О «Тихом Доне» и о трагедии // Литературная газета. 1940. 11 августа).

И эта верная мысль могла бы привести его к правильному пониманию сущности трагического в «Тихом Доне». Но В. Ермилов, как и многие критики того времени, приходит к выводу, что в заключительной части романа «Григо-

рий Мелехов получает новое качество, социальное и художественное, вступает на путь отщепенства», «приходит к полной опустошенности», «начинается новый, не тот Мелехов, окончательно потерявший лицо»; и на этом основании приходит к заключению, что «нет любви для Григория, – его любовь погибает, – нет для него жизни, и потому «светит для него черное солнце». Вот почему этот «новый» Григорий «не имеет права на трагедию» (Там же).

Подобной же точки зрения придерживаются и многие исследователи настоящего времени. Только в отличие от В. Ермалова, Л. Якименко, В. Гура и др. признают Григория Мелехова трагическим героем, одновременно считая, что трагический герой к концу романа лишается своих благородных человеческих качеств, превращается «в страшное и жалкое подобие человека». Трагическое, по их мнению, это духовная и физическая деградация некогда сильной и талантливой личности. Против такого рассмотрения образа Григория Мелехова в дискуссии о «Тихом Доне» 1940 – 1941 гг. выступил Б.С. Емельянов: «Весь смысл романа, вся трагедия восьмой его части в том, что Григорий в своей сущности остается тем же, каким он был...

Представить Григория моральным выродком, вызывающим только отвращение, значит действительно перечеркнуть начисто все, что сделано Шолоховым в его романе, уничтожить трагедию, сведя ее к жалкой мелодраме...» (Литературный критик. 1940. № 11 – 12. С. 199 – 200).

В романе нет Григория Мелехова, лишённого благородных чувств и мыслей. В конце романа, в период самых мучительных нравственных страданий, мы ни разу не слышим от Григория жалоб, он не пытается объяснять свои поступки и оправдываться. Только ночью, во сне у него прорывались слезы. Чем интенсивнее страдания Григория, тем богаче и содержательнее его духовная жизнь: в этих страданиях обнаруживается благородство души героя. Сила трагической личности раскрывается прежде всего в том, как она переносит страдания, порожденные ошибочностью жизненного пути, заблуждения, трагические ошибки вызывают разлад в душе героя, внутренние противоречия, которые приводят в конечном счете к душевным мукам.

При этом высота характера трагической личности проявляется не только до трагической ошибки, которая ведет его к тяжелым страданиям, но и в период мучительных переживаний, душевного разлада, внутренних противоречий. Если бы Григорий Мелехов под гнетом необычайных страданий, выпавших на его долю, растерял свои положительные человеческие качества и впал в малодушие, отчаяние, трусость, то в таком случае ничего трагического в этой личности не было бы. Но действительный трагизм Григория Мелехова в том, что он возникает при остром несоответствии между благородством человеческой личности и антинародным восстанием, в котором Григорий принимает участие. Потому-то и горько становится автору, а вслед за ним и читателю, что

такой сильный, талантливый представитель трудового народа оказывается во враждебном народной революции лагере, проливает кровь своих братьев.

Новаторство М. Шолохова в разрешении конфликта в том, что в «Тихом Доне» нет ни духовной гибели, ни физической его смерти. Григорий мучительно страдает, подводя итоги своей неудавшейся жизни, которая казалась ему «недолгим и тяжким сном». В конце концов он не мог так жить: что сделал, за то и надо отвечать. И потому он твердо принял решение: он кончил воевать и пошел с повинной в родной хутор. Выбросив все свое оружие, он «**тщательно** вытер руки о полу шинели» (Т. 5. С. 494). В финале романа предстает Григорий Мелехов измученным, истерзанным неизбывным горем и страданиями, но мужественным и сильным. И этим он до конца вызывает к себе наше сочувствие, наше сострадание.

Статья написана в начале 1957 года. В связи с этим в ней не используется новейшая критическая литература о «Тихом Доне».

Следует, однако, отметить, что и в новой монографии покойного И.Г. Лежнева «Путь Шолохова», и во втором издании книги Л.Г. Якименко о «Тихом Доне» исследователи по-прежнему держатся старой точки зрения, будто в образе Григория Мелехова Шолохов изобразил тип отрицательного героя.

Мнение И. Лежнева, Л. Якименко, В. Гуры и др. находит широкую поддержку, что отразилось в предисловии к книге И. Лежнева (с. 4), а также в позиции журнала «Вопросы литературы» (1958. № 12). Поэтому мы считаем необходимым продолжение дискуссии.

Кафедра русской советской литературы Московского государственного университета».

(Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. № 12.)

Часть вторая

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА

«Вопрос ваш, – писал Аполлон Григорьев, обращаясь к Алексею Степановичу Хомякову, – во всех его трех видах приводится, собственно, к одному выводу: художество как выражение правды жизни не имеет права ни на минуту быть неправдою: в правде – его искренность, в правде – его нравственность, в правде – его объективность».
Аполлон Григорьев. Из писем

1. Полемика продолжается...

Прошло три года... От преподавательской работы я отказался, пришлось не по душе. Опалило меня печатное слово, возможность высказаться, излить то, что накопилось на душе, не только в научных журналах, выходявших микроскопическими тиражами даже в те времена, но выступить на более общественно значимой трибуне. Мои однокашники уже печатались в газетах и журналах, работали редакторами в газетах, журналах, издательствах. А я потерял время, как бы опоздал, пока готовил к печати мои статьи о М.А. Шолохове, остался как бы неприкаянным. Но пристроившиеся однокашники не позабыли меня: Феликс Кузнецов предложил

мне пока отвечать на письма читателей «Литературной газеты». За каждый ответ платили... Вместе со мной, оказывается, отвечали на письма трудящихся Борис Балтер, Булат Окуджава и другие литераторы, уже заявившие о себе своими произведениями. Так что и мне эта работа не показалась зорной.

А однажды Инна Борисова, однокашница по университету, работавшая в отделе критики, заказала мне написать обзор журнала «Нева» за текущий год, четыре-пять страничек, не больше. Я с удовольствием взялся за этот обзор, написал, конечно, в два или в три раза больше, чем полагалось в газете. Но Инна Петровна тонко и ловко отредактировала мой текст, оставив только то, что устраивало редакцию газеты, а я согласился: ведь текст статьи полностью был составлен из моих фраз, ничего постороннего не было вписано, да, что-то ушло, убеждала она меня, но пойми, газета не резиновая, наш отдел имеет не так уж много места, а это твоя первая публикация в серьезном органе Союза писателей СССР.

29 августа 1959 года статейка вышла в свет под названием «По двум руслам», в которой высоко оценил главы из второй книги «Поднятой целины» и резко отозвался о статье А. Хватова «Пути изображения характера». Это и были якобы «два русла»...

А через три недели В. Бушин разгромил мою статейку в газете «Литература и жизнь». Привожу ее полностью как документ эпохи.

«Занесло...

Не так давно в «Творческой трибуне» «Литературной газеты» было провозглашено: «Критику необходимо быть добросовестным до щепетильности. Добросовестность и щепетильность нужно... распространить не только на цитирование своих оппонентов, но и на истолкование общего замысла романа или статьи, а тем более на определение общих идейных и творческих позиций критика и писателя».

В связи с провозглашением этого девиза вспоминается один недавний эпизод.

В седьмой книжке «Невы» была напечатана статья критика А. Хватова «Пути изображения характера», повлекшая за собой появление в «Литературной газете» 29 августа заметки В. Петелина «По двум руслам».

Первое русло «Невы», пишет автор заметки, таково:

«Смело и трезво показывает Шолохов («Нева» начала в седьмом номере печатать вторую книгу «Поднятой целины») те сложные и внутренние противоречия, через которые проходят его герои. Он не боится сложностей, его не пугает многогранность человеческого характера». Второе русло видится В. Петелину так: «А. Хватов, наоборот, старается различными способами скомпрометировать принцип многостороннего изображения человека».

Обратимся к самой статье.

А. Хватов пишет: «Приметы человека нашего времени –

высокая культура чувств, глубина и интенсивность духовных исканий». Уж не в этих ли словах В. Петелин увидел один из способов компрометации принципа многостороннего изображения человека? Надеемся, что нет.

А может быть, способ этой компрометации чудится ему здесь: «Да, многогранен характер этого человека (лирического героя Твардовского), необъятны горизонты, за которые улетает его мысль, широк и богат мир его духовных интересов и стремлений»? Смеем полагать, что опять-таки нет, не здесь...

Наконец, не в этом ли утверждении: «Задача подлинного искусства – показать советского человека, нашего современника во всем блеске и благородстве его мыслей и чувств, изобразить его яркую и сильную натуру, не оскорбить его красоты крохоборческим фиксированием мелких изъянчиков, которые якобы призваны сообщить ему черту неповторимого своеобразия»?

Чтобы не томить читателя, скажем: прямых заявлений о том, что он против многостороннего изображения человека, в статье А. Хватова, увы, нет. В. Петелин на этом, кажется, и не настаивает. Он не так прост. Он предупреждал, что А. Хватов протаскивает свою достойную внимания прокуратуры идею «различными способами». В число этих способов прямые и ясные заявления, как видим, не входят. Почему бы это? Что мешает А. Хватову высказаться определенно и четко против многосторонности героев, если он на деле про-

тив нее? Это ведомо лишь В. Петелину, человеку, обретшему безраздельную славу открывателя двух русл.

Правда, у А. Хватова есть одна нечеткая фраза, которую, конечно же, зоркий В. Петелин и заметил. А. Хватов упрекает Галину Николаеву в том, что она в романе «Битва в пути» в Бахиреве стремилась «показать характер в причудливом сочетании самых разнообразных свойств». Все содержание статьи, ее «общий замысел» убеждают в том, что критик имел в виду здесь не разнообразие свойств характера, а их разноречивость, противоположность, несовместимость.

Других заявлений А. Хватова (кроме упомянутой небрежной фразы), которые прямо свидетельствовали бы, что он задался низкой целью скомпрометировать принцип многостороннего изображения человека, в заметке В. Петелина не приведено. Несмотря на провозглашение благородных девизов, трудно поверить как в то, что это сделано автором из соображений гуманности, так и в то, что редакция поскупилась на место для изобличающих цитат или удержала от них замашистое перо В. Петелина.

Так как же все-таки обстоит дело со вторым руслом? Существует ли оно? И если существует, то кто его вырыл?

Как читателю должно быть уже ясно, А. Хватов в своей статье ратует не против сложности, многосторонности, глубины литературных образов, а против их внутренней противоречивости, неопределенности, смутности. Мы присоединяемся к А. Хватову. Мы убеждены, что такие образы не

могут нести в себе силу положительного примера, не могут быть образцами для подражания, то есть выполнять ту воспитательную задачу, которая диктуется нашей литературой временем.

Мы не будем сейчас касаться того, правильно или нет оценивает А. Хватов некоторые образы романа Г. Николаевой «Битва в пути» и романа Д. Гранина «После свадьбы». Поскольку спор идет лишь о принципе многосторонности героев, то позволим себе ограничиться одним вопросом:

А. Хватов критикует героев Г. Николаевой, Д. Гранина и некоторых других авторов. За что? За многосторонность?

Читаем: «В романе «После свадьбы» наблюдается известная нарочитость в установке на многогранность характера, что приводит к утрате психологической определенности образа, вносит в них черты эклектизма. Почти в каждом персонаже своего романа Гранин стремится «открыть» черты, вносящие в него разноречивость, словно бы напоминающие о том, что хотя и плодородна почва, и возделана заботливой рукой, а сорняки произрастают все же и на ней».

О «Битве в пути»: «Бахирева как цельного характера в романе нет. Он раздвоен. Человек изломанный и рефлектирующий, мужественный и малодушный, честный и лицемерный одновременно (все зависит от ситуации) – такова объективная психологическая сущность Бахирева...»

«Изображением характера в его раздвоенности, странном сочетании разноречивых качеств грешат и другие литерато-

ры».

Из всего этого совершенно ясно, что А. Хватов никакого участия в прорытии второго русла не принимал.

Однако из соображений щепетильности приведем несколько его строк: «В одном человеке не могут ужиться герой и предатель. Попытка в художественном образе совместить подобное противоречит правде жизни. Если человек в минуту порыва или под влиянием обстоятельств совершил подвиг, а затем совершает предательство, мы еще не имеем права говорить о сложной многогранности его души. Речь может идти лишь о том, что он таил в себе задатки предателя, которые ждали условий для своего проявления. Попытка соединить высокое и низменное в едином образе опасна в нравственном и эстетическом отношении: мужество, изображенное рядом с трусостью, реабилитирует человека малодушного, создает ореол мнимой сложности души вокруг существа элементарного и безнравственного».

По поводу этих слов В. Петелин тонко иронизирует:

«Ему кажется, «что мужество и страх, героизм и трусость и другие (очевидно, например, геройство и предательство, упомянутые А. Хватовым. – В. Б.) противоречивые качества и чувства не могут ужиться в одном человеке». По мнению В. Петелина, открывателя двух русл, такие качества и чувства прекрасно уживаются. В Патрокле он зрит отчасти Терсита, в Терсите – отчасти Патрокла.

Для подтверждения своих воззрений В. Петелин, как это

ни ошеломительно, обращается к Шолохову. «В недавно опубликованных главах романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», – пишет открыватель, – есть эпизод, когда Звягинцев, мужественный, сильный, бывалый воин, неожиданно почувствовал страх: «Внутри у Звягинцева вдруг что-то надломилось... Звягинцев закрыл глаза, безвольно уронил между колен большие руки... начал молиться». «Правда, – с явным сожалением продолжает В. Петелин, – он победил в себе страх, но факт остается фактом: в этом эпизоде мужество изображено вместе со страхом...»

Но ведь А. Хватов и не говорил о страхе, у него сказано не «страх», а «трусость». Петелин же, не разумея разницы между этими словами или делая вид, что никакой разницы нет, подменяет одно слово другим и после этого говорит: «Посмотрите: Шолохов плывет со мной, В. Петелиным, в одном русле!»

Не слишком ли занесло автора?!

В формальной логике подобные фокусы взяты на учет еще несколько столетий назад, у них даже имеется специальное ученое название.

Страха не испытывает редкий человек. Но мужество как раз и состоит в преодолении страха. Трусость – в капитуляции перед ним. Трусость исключает мужество, как предательство исключает героизм. Это важно помнить, когда речь идет о положительном герое современной нашей литературы, призванном выполнить огромную воспитательную зада-

чу. Именно о таком герое говорится в статье А. Хватова.

«В этом эпизоде, – пишет В. Петелин, – мужество изображено вместе со страхом, что нисколько, однако, не опасно в нравственном и эстетическом отношении, так как мы видим победу человека над собственной слабостью».

Да, свой страх можно победить, ибо это лишь ощущение, чувство. Но что такое победа над своим предательством, которое есть не что иное, как действие, поступок, факт? Не слишком ли глубоко в пучину мутного потока, бегущего по извилистому руслу, увлечет нас размышление над этой проблемой? И не то ли это русло, по которому катится прихотливый поток современного реакционного искусства Запада?» (Бушин В. Литература и жизнь. Орган правления Союза писателей РСФСР. 1959. 20 сентября. Воскресенье.)

На следующий день, прочитав статью, грустный бреду по любимой Моховой, в университет... Что-то не ладилось в моей карьере... Дважды был на целине, в Кургане и Усть-Каменогорске, по путевкам ЦК ВЛКСМ, читал лекции о Шолохове и Есенине в 1957 – 1958 годах, повсюду принимали меня на высшем уровне, секретари обкомов и райкомов, казалось бы, все хорошо, нормально, но, оказывается, следом за мной шли в ЦК ВЛКСМ «телеги», как сейчас принято называть доносы, в которых бдительные слушатели сигнализировали вышестоящей организации, что молодой лектор представляет «бандита» и «белогвардейца» Григория Меле-

хова положительным героем, а создатель образа якобы сочувствует ему, симпатизирует и пр. и пр. А из творчества Сергея Есенина читает наизусть только то, что давно осуждено советскими критиками и советской общественностью – «Москву кабацкую» и другие упадочнические стихи.

А в то время этих писем вполне было достаточно, чтобы исключить из комсомола. Так мне и сказали в ЦК ВЛКСМ, но исключать меня из комсомола уже не было надобности: к тому времени мне исполнилось двадцать восемь, предельный срок пребывания в рядах ВЛКСМ. Но решили мудро: не направлять с лекциями от имени ЦК ВЛКСМ, а это, во-первых, было интересно повидать иную жизнь, понаблюдать людей в экстремальных условиях: освоение новых земель всегда оказывалось нелегким делом, а тут столько драматического происходило, не перечить, девчонки со слезами на глазах рассказывали, как самодур директор увозил то одну, то другую далеко в поле и насиловал. А во-вторых, за лекции платили, а в то время я очень нуждался. Спасало меня лишь одно: я жил с родителями, которые души, как говорится, не чаяли во мне, терпеливо ждали моего успеха, а тарелка супа или щей в доме всегда находилась... Я привез острый репортаж о своих впечатлениях, попытался напечатать в «Комсомольской правде», «Правде», но мне сказали, что моя статья порочит великое дело преобразования земли, а потому не может быть напечатана... А тут еще одна неудача, ругают в печати...

Навстречу мне шел неунывающий Саша Тверской, на несколько лет старше меня, он все еще сдавал экзамены на филфаке, прослыл вечным студентом, но оптимистическое настроение, казалось, никогда не покидало его.

– Что ты такой хмурый? – спросил он меня, весело здороваясь и пожимая мне руку. – Неужто такая чепуха, что напечатана в газетке, могла тебя так огорчить! Плюнь...

– Плюнуть-то плюну, но мне скоро защищать диссертацию, статьи уже опубликованы, автореферат читает Алексей Иванович... Как все это отразится... – слабо возражал я, чуточку успокоенный Тверским.

– Ты пойми, никто из серьезных людей не обращает внимания на эту газетенку, там сидят одни дуболомы вроде твоего «крестного» Владимира Бушина. Посмотри, кого они печатают и кого ругают... Чуть ниже, в подвальной статье, Всеволод Кочетов обрушивается с критикой на Виктора Некрасова за то, что он посмел сказать правду о сусальной «Поэме о море» Александра Довженко... Так что ты оказался в хорошей компании... Не горюй... Вот посмотри... – И Александр показал на перстень на левой руке. – Великий Соломон, как и другие древние, говорил, чтобы в беде не слишком горевали, а в радости не слишком радовались. И на поверхности своего перстня велел начертать: «Все проходит», а на внутренней стороне перстня: «Пройдет и это...» Я уверен, что на факультете не обратят даже внимания на эту пилульку, а для тебя – слава, признание, на тебя обратили вни-

мание, с тобой спорят, значит, считаются, а для литератора это главное.

И он показал мне публикацию своих переводов в каком-то журнале, переводил он турецких и европейских поэтов... Потом я не раз вспоминал слова мудрого Соломона: действительно, все проходит, пройдет и это...

Вскоре, сопоставляя некоторые факты из просмотренных газет и журналов и обсуждая все вычитанное с товарищами и друзьями, я понял, что эта публикация в «Литературной газете» и почти моментальный отклик на нее Владимира Бушина в «Литературе и жизни» – лишь маленький эпизодик на фоне давно идущей ожесточенной литературной борьбы, то тайной, то явной, которая чуть позже обострилась между русскими писателями и писателями-западниками, как в XIX веке между славянофилами и теми же западниками. Оказывается, я в своих заметках затронул патриотов и тут же получил сдачи: не смей в своих путаных рассуждениях опираться на Шолохова, он наш.

А через полгода журнал «Москва» опубликовал мою статью «Коммунист Семен Давыдов» (1960. № 4). Тут уж западники-либералы могли недоумевать, почему начинающий критик «метнулся» в противоположный лагерь. Но в то время во всех этих тонкостях литературной жизни я не разбирался, с симпатией относился ко всему талантливому, интересному, будь то современная повесть или исторический роман, независимо от «лагерной» принадлежности.

По-прежнему я не мог найти постоянную работу, работал временно в издательстве «Высшая школа», в Радиокomitee, заменял беременных женщин. Они выходили, а я уходил, мест свободных для меня не было...

А между тем я по-прежнему много читал книг современных писателей. Как и прежде, искал нового Шолохова. С удовольствием прочитал новый роман Федора Абрамова «Братья и сестры». К моему удивлению, моя нынешняя аспирантка, собирая библиографию для своей диссертации «Шолоховские традиции в творчестве Федора Абрамова», отыскала и мою давнюю рецензию, а между тем она была одной из первых о Федоре Абрамове. Это тоже документ того времени.

2. Непобедимые

...В райкоме партии собрались люди, различные по возрасту, по характеру, по уму и образованию. Один из них, общительный конюх Демьян Заварзин, задумчиво говорит: «Какой лес редкий, страшно взглянуть, лом один остается. А в котором дерево к дереву прижато, тому никакая буря не страшна. А что, спрошу вас... все красавцы в том лесу? Да нет! Иное дерево под свет попало, вымахало куда там. И иное дерево всю жизнь в сырости, в тени, так сук на суку, и вся цена-то ему, что на дрова. А ведь дело свое делает. Без него всему лесу беда. Вот как я понимаю.

– Вы это правильно... – неожиданно заговорила старая женщина в черном. – У меня три сына на войне погибли. И все три – коммунисты. А чьим молоком выкормлены? Я хоть и не замена им, а все-таки и мои старые руки помехой не будут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.